

★ А ★ Н ★ Д ★ Р ★ Е ★ Й ★

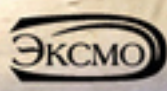

★
★
★
★
★
★
★
★
★
★
★
★
★
★
★

КРЫСА

УЛАНОВ

Автоматная баллада

Андрей Уланов
Автоматная баллада

«Автор»

2006

Уланов А. А.

Автоматная баллада / А. А. Уланов — «Автор», 2006

События, описанные в этой книге, сейчас выглядят совершенной фантастикой, а еще недавно казались фатально неизбежными. Она – о мире после Третьей мировой. Концепция «ядерного лета» придумана лично автором и с научной точки зрения являет собой ересь и чушь. Впрочем, идеи «ядерной зимы», равно как и все прочие сценарии последствий массового применения ЯО, пока не проходили проверки полномасштабным экспериментом. «Это всего лишь модель...»И еще. Если вы не любите оружие – не читайте эту книгу. Вряд ли вам будет интересен рассказ о том, как оружие умеет любить.

© Уланов А. А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей УЛАНОВ

АВТОМАТНАЯ БАЛЛАДА

Автор выражает глубокую благодарность участникам военно-исторического форума «ВИФ2НЕ» и особенно Борису, Седову, Максиму Попенкеру, Евгению Путилову и Александру Москальцу.

*Оружие любит ласку, чистку
и смазку, все остальное – фигня.
Так говорил капитан Перовский,
а он был умней меня.*

Глава 1

*Вот я – детище прогресса,
Магазин от «АКСа»,
Тридцать медных духов смерти
У меня внутри сидят.
Я без дела не скучаю —
В ствол патроны досылаю
И не знаю, не гадаю,
Кто в чье сердце полетит.
Для меня они – близняшки,
Все двойняшки да тройняшки,
Сколько их таких вот было —
Мне вовек не сосчитать.
Я – вершитель чьих-то судеб,
Я не знаю, что за люди
Примут гибель полной грудью
От моих пять-сорок пять.
Дмитрий Волжский*

САШКА

Я слишком поздно заметил эту жабу. Вдобавок Сергей в тот момент держал слегу в правой, и пришлось сначала толкнуть его в бок, прямо в болотную грязь. И лишь потом стрелять, чувствуя, как каждое движение затвора захватывает добрых полста граммов вонючей жижи. Жаба медленно падала на нас, смешно растопырив лапки и сверкая белыми крючками ядовитых клыков, пули прошивали ее насквозь, не успевая раскрыться, уносясь куда-то в низкое пасмурное небо – а я-то знал, какие это живучие твари, жабы-гребешки, и знал, что ни один жизненно важный орган мои пули пока не задела.

Наконец она тяжело плюхнулась в полуметре от меня, и я двумя пулями в упор вышиб из нее тот комочек студенистой дряни, который эта нелепость природы почитала своими мозгами, разнес, в ошметки превратил проклятую плоскую головку, – и над трясиной вновь повисла тишина.

– Вот ведь сука, – побулькала Сергей, вставая. Я не мог говорить, чертова жижа залепила буквально все, и лишь коротко кивнул в такт его движениям. – И ведь, главное, что обидно, ничегошеньки с этой твари полезного не взять! С паршивой белки и то... – он с размаху пнул тушку носком сапога, оттопыренные лапки рефлекторно дернулись – Сергей с воплем отскочил назад и едва не свалился с тропы.

Вообще-то он был не совсем прав – болотники охотно пользуются жабым ядом, намазывая им наконечники самострельных дротиков. Только для этого надо уметь правильно вырезать железы, да и умеючи – без толстых перчаток, с одним ножом... пакостной возни минут на десять-пятнадцать. Не, нам такое сто лет не надо.

– Ноги, мля, промочил из-за нее... в сапог затекло. Во, мля...

«Сказал бы я, куда мне затекло, – зло подумал я. – До захода меньше получаса осталось, а до островка, если будем идти в прежнем темпе, минут сорок. А если еще и над каждой туевой жабой материться, так и все пятьдесят!»

– Ладно, мля, – выдохнул Сергей. – Щас все равно ни хрена не сделаешь... поползли, что ли...

И мы поползли.

По дороге к островку мы падали еще три раза, причем последний раз Серега при... приводнился? не, приболотился особо неудачно – на правый бок, плечом вперед, как раз туда, куда за пять минут до этого перевесил мой ремень. Срань господня... и мать моя фреза... я уже говорил сегодня, что чертова жижа была буквально везде? Так вот, в тот раз ни фига она не была везде, зато в этот забралась в такие места, о которых я уже черт-те когда забыл. И было той грязи до... короче, два раза «да ну его на хрен» и еще столько же!

– Ниче, Саня, – бормотал Сергей, придерживая меня правой. – Ща доберемся до островка, запалим костерчик, я тя разложу, устрою, гы-гы, тряпочный массаж, как в лучшем блядском салоне... еще чуть-чуть потерпи.

Я не отвечал – мне было хреново. Вернее, мне было не просто хреново – ко мне вплотную подбирался маленький полярный зверек зеленоватого оттенка. Зеленоватого, как эта проклятая жижа, которая теперь вытекала из меня... ох, как я счастлив, что Серега тащит меня сейчас в таком положении, что эта дрянь из меня хоть понемногу капает. Но все равно – господи, как мне хреново! Господи! Ну на кой ты придумал и сотворил болота?! А? Другого способа поиздеваться над людьми не нашлось? Ну и издевался бы себе... а я-то, я-то здесь при чем?!

Эх, если бы в этот момент мне на мушку попался тот проклятый старикан, который загнал нам с Серегой эту хренову карту, – блин горелый, пятьдесят пять патронов за нее отдали! Пятьдесят пять чистеньких, аккуратненьких, один в один автоматных патрончиков калибра семь зэпэтэ шестьдесят два, не моего калибра, а то бы хрена лысого он получил, а не патроны! Попался бы он нам сейчас – мамой-фрезой клянусь, высадил б в него полный рожок, не пожалел бы на гада! У-у-у... мля, не могу больше... утопите меня на хрен! Хочу тихо лежать на дне и раз в сто лет выпускать ма-ахонький пузырик, а потом снова засыпать на следующие сто лет.

И все-таки мы добрались до островка и упали с маху на влажную, похлопывающую, но – черт ее побери! – твердую землю и минут двадцать валялись, как два трупа, без малейшего движения. Потом Сергей, кряхтя, словно столетний дед, поднялся, отволол меня чуть повыше, аккуратно прислонил к кривому деревцу и принялся рыться в мешке.

– Ща, Санек, – шептал он, – еще малехо потерпи... сварганю костерок... и сразу тобой займусь, лады?

Сам он тоже выглядел далеко не Аполлоном Бельведерским – так же как и я, весь, от макушки до пяток, измазан в грязи, оба сапога уже давно хлюпали на полболота, ладони ободраны о слегу. Но я твердо знал, что он не врет и, как только запалит костер и сможет видеть, что делает, он займется сперва мной, а лишь потом собой.

Потому что он, Сергей Шемяка по прозвищу Айсман, двадцати трех лет от роду, бродяга, «горелый следопыт» – человек. А я, «АКС-74», автомат. И я ему нужнее, чем он – мне!

КОВБОЙ

Если бы старший постовой знал это слово, он бы непременно сказал, что к ним приближается чоппер.

Однако старшой никогда не слышал про американских байкеров, равно как и про их любимые транспортные средства. Поэтому он ограничился плевком в дорожную пыль и обращенной к пулеметчику фразой:

– Колян, глянь, шо за хрень до нас ползет?

– Хрень, – вяло кивнул второй постовой. Ему было жарко, тоскливо и хотелось пить, а приближавшийся к блоку большой черный мотоцикл избавления от жары и жажды вовсе не сулил.

– Занятная, однако, хрень, – старшой, переломив обрез, несколько секунд сосредоточенно разглядывал медные кругляши гильзы, затем ловко выдернул из правого ствола патрон с мелкой дробью, вставив взамен картечный.

– Че-то она слишком тихая для ейных габаритов и скорости. Федькина колымага, так токо ручку тронь, ревет, аж на другом конце поселка куры бесятся.

– У Федькиного зверя двигло раздолбанное, – возразил пулеметчик, – и глушака нет.

– И черепа, – задумчиво добавил третий постовой.

– Да-а, – протянул старшой, глядя на подкатывающийся к блоку чоппер. – Башкень что надо.

Череп был укреплен над фарой и принадлежал он явно не травоядному. Как, впрочем, и не одному из ведомых постовому зверей. Похож на медвежий, но слишком вытянут впереди и клыки, клыки... клычищи. Из новых, видать, тварюка, свежевывулупившихся. Ох, не приведи господь с такой повстречаться.

С другой стороны, сообразил старшой, кто-то уже повстречался с клыкастой зверюгой и, судя по трофею, небезуспешно.

– Эй, ковбой, – окликнул он мотоциклиста, – шо за башкень у тебя спереду привешена? А?

Позже старшой так и не смог объяснить своим подчиненным, что же побудило его назвать проезжего именно так: ковбой! Кое-какие воспоминания о киношных всадниках на горячих мустангах у него имелись, да вот незадача – на соратника Гойко Митича или Грегори Пека мотоциклист не походил совершенно. Длиннополый плащ из черной кожи, летный шлем с соболиным хвостом и зеркальные очки – все это по совокупности позволяло незнакомцу претендовать разве что на титул наследника Зорро.

Прежде чем ответить, он снял шлем, повесил его на руль, спрятал в карман очки, не торопясь, протер лицо платком и лишь затем развернулся к старшому:

– Не знаю.

– Это как? – с едва заметной растерянностью произнес постовой.

– Очень просто, – сухо отозвался мотоциклист. – Неизвестна науке зоологии данная разновидность, вот и ездит пока безымянная.

– А-а... а добыл его кто?

– Я.

– Шо, серьезно? – особого удивления в голосе старшого при этом не прозвучало. Приезжий, хоть и не обвешанный тремя-четырьмя крупнокалиберными стволами, выглядел опасно. И с каждой секундой нравился постовому все меньше.

– Патронов много сжег?

– Один.

– Одной пулей?! Епыть! – мотнул головой пулеметчик. – Видать, подфартило... или зеврюга только башкой удалась?

– Коня видишь? Игренового, с чулками.

Мысленно старшой поставил незнакомцу еще один минус: стоял тот спиной к пастбищу и разглядеть председателя жеребца мог только в те секунды, когда подъезжал и слезал с мотоцикла. Да и то мельком. Цепкий, выходит, взгляд у парня, да и память хорошая. Если прибавить, что ствола – или стволов – ковбой на виду не держит... не-ет, хорошего не жди от таких людишек.

– Ну, вижу.

– К его холке накинь полметра.

Колян накинул. Присвистнул, сдвинув на лоб каску, почесал затылок, еще раз взглянул на скалящийся череп...

– Крепко ж тебе, паря, подфартило.

Мотоциклист промолчал, и на лице его вроде бы не дрогнул даже волосок щетины, однако старшой словно бы почувствовал короткий холодный всплеск. Презрительный. И мысленно пообещал учинить Коляну нахлобучку, чтоб в следующий раз мозгой думал, прежде чем пасть разинуть. Потом, когда этот ковбой чертов скроется с глаз долой.

– Прическу, я гляжу, ты себе отрастил... – постовой осекся, мучительно пытаясь выудить из глубин памяти нужное слово. Когда-то, еще ДО, парней с длинными волосами – не конкретно с таким вот конским хвостом до плеч, а вообще «поповской прической» – именовали стилиягами. Это он помнил и еще помнил, что нужное ему слово было как-то связано с этими стилиягами. Как же... стилияжную? Стижную?

– Мне так удобно, – спокойно произнес мотоциклист. – А что, у вас въездная пошлина в зависимости от длины волос начисляется?

Стой перед ним кто угодно иной, и старшой первым бы расхохотался от удачной шутки. Но сейчас он не был уверен, что незнакомец шутит.

– Пошлину мы считаем, как законом велено, – ответил постовой. – Сами не выдумываем, не в пример кой-кому.

Он медленно обошел мотоцикл и, оказавшись прямо за спиной у незнакомца, нарочито громко закашлялся.

Мотоциклист даже ухом не повел, продолжая стоять прежней позе.

«Сектор огня держит, – подумал старшой, – вот же ... Гошку и пулемет перед собой держит. А меня, выходит, в расчет не берет».

– Откель следуете?

– Из Весеннего.

– С какой целью?

– По торговым делам.

– По тор-говым... – повторил постовой. – И сам, конечно же, купец честной. А чем торг ведешь, а, купчина?

– По-разному, – отозвался мотоциклист. – В основном цветными металлами.

– Чем-чем?

– Свинцом и цинком.

– Пулями, что ль?

– Пулями, – подтвердил «ковбой». – Вразвес.

– Мелкой розницей, выходит, – хмыкнул старшой. – И как идет торговлишка-то?

– Хорошо.

– Хорошо?

– Да. У меня очень выгодные условия.

Пожалуй, больше всего постовому не нравилось, что тон речи незнакомца все время оставался один и тот же: спокойно-равнодушный. Так обычно говорят, когда не интересен ни сам разговор, ни его, разговора, результат.

Он завершил обход мотоцикла и остановился напротив незнакомца.

– Короче... багажу, я погляжу, у тебя немного... так что три «семерки» за въезд, и добро пожаловать в Половинку.

Мотоциклист кивнул и, по-прежнему не оглядываясь, левой рукой выдернул из карманашка багажной сумки картечную «двадцатку».

– Вот.

Старшой привычным движением катнул патрон по ладони, подкинул, оценивая вес. Вес был правильный... ну да ковбой и не был похож на любителя отсыпать картечину-другую или заменить порох песком. Такие, как он, по мелочам не выгадывают.

– Сдачу «семерками» али «пятерками»? – спросил он.

– Сдачи не надо.

Жест был не из дешевых. Подобную щедрость и впрямь мог проявить купчик средней руки, владелец двух-трех телег или грузовичка с набитым кузовом. Однако взгляд, которым старшой постовой сопровождал въезжающий в поселок чоппер, вряд ли кто-либо решился бы назвать дружелюбным.

Смотрел старшой долго, даже не пытаясь заслониться ладонью от палящего послеполюденного солнца, и лишь когда черный мотоцикл исчез за поселковыми воротами, очнулся и торопливо нырнул под спасительную сень тента.

– Не нравится мне этот ковбой, – промолвил он, тяжело облакачиваясь на стол. – Ох, не по нраву. Звякну-ка я в участок.

– Мне он тож не глянулся, – сообщил пулеметчик. – Скользкий... чисто рыба. А учинит чего, так сразу кипеж пойдет: кто, мол, пропустил. Ну а попробуй такого не пропусти! – перегнувшись, Колян зло сплюнул. – Повезло, неча сказать!

– Повезло, – без тени шутки подтвердил третий постовой. – Знаешь почему? Дырками лишними никто не обзавелся. Митрофаньч, ты че, в самом деле не допер, кто это был?

И он назвал прозвище, от которого уже поднятая было Митрофаньчем трубка с жалобным «бдзин-нь» упала обратно на рычаг.

– Епить! – ошарашенно выдохнул Колян. – А я-то думал, брешут западники. Мол, слухи все... как это... миф!

– Ша, – старшой постовой тоскливо уставился на отпечаток мотоциклетной покрышки. – Скажи еще – легенда! Мы, млин, сами только шо в эту легенду чуть не угодили!

Предмет их беседы тем временем неторопливо проехал вдоль «проспекта имени председателя Варфоломеева», как гласила криво приколоченная к телеграфному столбу в начале улицы фанерная табличка, и остановился возле приземистого серого здания. Самой примечательной деталью здания была, вне всякого сомнения, надпись «Трактирь „СЕЛЬПО“», однако мотоциклиста куда больше заинтересовали девять лошадей у коновязи. Особенно вторая справа – стройная караковая кобыла. „Ковбой“ подошел почти вплотную к ней, чтобы без помех разглядеть украшенный чепрак, и только потом направился к крыльцу трактира.

Внутри было темно – потолочная «лампа Ильича» под жестяным колпаком, похоже, давно служила исключительно деталью интерьера, а не осветительным прибором, – душно, а из ароматов с заметным отрывом первенствовали махорочный дым, запах жареного лука и вонь давно не мытых человеческих тел.

Источников последнего в трактире имелось двадцать один с половиной – за половину «ковбой» зачел высившуюся над прилавком бабищу в линиялом от бесчисленных стирок ситцевом платье.

Большая часть этих «источников» – судя по виду, поселковых и приехавших на ярмарку торговцев – предпочла разместиться в правой от двери половине зала. Слева же из трех столов был занят – да и то не полностью – лишь средний. Впрочем, сидевшие за ним шестеро по издаваемому шуму, равно как и по количеству содержащегося в этом шуме сквернословия, вполне могли дать фору остальным пятнадцати.

Обращение одного из этой шестерки – высокого смуглого бородача – к вновь вошедшему исключением не стало: из восьми выкрикнутых слов какую-то смысловую нагрузку несли, по мнению «ковбоя», только два.

– Дверь закрой!

Дверь закрывалась медленно. Ржавая пружина, надсадно поскрипывая, затратила на данный процесс примерно минуту, в течение которой «ковбой» успел дойти до стола слева у окна, расстегнуть и положить на лавку оружейный пояс, сесть рядом, извлечь из кармана плаща книжку в полиэтиленовой обертке – и лишь затем грохнуло. В тишине грохнуло – все разговоры в зале прервались еще на первом шаге незнакомца.

– Тэ-эк...

Сидевший рядом с бородачом парень, оскалившись, медленно потянулся к лежащему перед ним «шпагину». Лязгнул затвором, начал поднимать...

– Погодь! – коротко скомандовал бородач, вставая из-за стола.

«Ковбой» с легким удивлением отметил, что сапоги бородача, судя по звуку, подбиты двумя подковами каждый – в каблуке и носке. С подобным изыском сапожной моды он пока не встречался... что называется: дурь на выдумки хитра.

Цоканье прекратилось. Полтора метра, слишком близко – в медвежьей безрукавке бородач наверняка разгуливал не один блошинный табун, а блох «ковбой» не любил. Как, впрочем, и почти всех насекомых... и не только насекомых.

«Возможно, – подумал он, – лучше было бы начать прямо у двери. Хотя нет – это могло вызвать недоразумения. Именно так – не-до-разумения. А их следует избегать, по возможности, разумеется. Раз ум имеется. Если – имеется».

– Эта... ты че?

– Читаю.

«Ковбой» был абсолютно искренен в этот миг – он действительно читал, хотя и знал текст едва ли не наизусть.

– Ась?! Повтори!

– Читаю книгу, – спокойно повторил «ковбой». – А именно: роман Стивена Кинга «Стрелок». Ты б и сам мог это прочесть на обложке... если бы читать умел.

«И если бы я держал книгу под более подходящим углом, – мысленно добавил он, – и если бы ты умел читать по-английски».

– Умный, да? – ощерился бородач. – А знаешь... здесь умных не любят.

– Взаимно.

Бородач озадаченно моргнул.

– Че?

– Взаимно, говорю, – все тем же скучающим тоном пояснил его собеседник. – Я и не собираюсь «здесь» задерживаться на сколь-нибудь продолжительное время... потому что не люблю дураков.

– Ну ща я...

– Сидеть! – рявкнул бородач.

– Атаман, да я...

– Будешь молчать, – не поворачиваясь, процедил бородач. – И сидеть.

«Ковбой» дочитал страницу и сейчас, чуть откинувшись, с любопытством наблюдал, как суетливо бегают вправо-влево зрачки в прищуренных глазах бородача. Вправо-влево, на книгу

– и на лавку, к двум кобурам. Торчащие из этих кобур пистолетные рукояти притягивали к себе взгляд куда лучше смазливой девичьей мордашки, ибо мордашек вокруг много, а вот накладок белой кости с золотой гравировкой...

Вправо-влево, вправо-влево. Нехитрая мыслительная работа – пистолеты наглого фраера в полуметре, да руки у него книжонкой заняты, пока еще дотянется, а мой-то наган тут, слева от пряжки.

Кобуры начали медленно сползать на пол. Вообще-то тяжелая лавка – не самая удобная разновидность кресла-качалки, и потому...

– Хочешь, расскажу, о чем эта книга? – неожиданно спросил «ковбой».

Сбитый с мысли атаман только начал открывать рот – книга плавно легла на стол, а за ней... за ней! чернел последней точкой ствол. Старая почти как мир истина: человеку, собравшемуся говорить, нужно время, чтобы переключиться на совершение иного действия – и время это заведомо больше тех мгновений, которые тратит пуля на пробуривание полутора метров воздуха.

Атаман умер мгновенно, так и не узнав, что зрелищем своей смерти отыграл для «ковбоя» целую секунду – и два выстрела по тем, кто сидел на дальней от стрелка стороне.

Затем «ковбой» упал, точнее, он позволил лавке окончательно опрокинуться, не забыв при этом сбросить со стола книгу. Запоздало грохнул дуплет, разлохматив дробовой осypью ставни, а мигом позже выкатившийся слева от стола «ковбой» выстрелил еще дважды, вновь кувыркнулся – очередь успевшего вспрыгнуть на столешницу парня впустую простучала по доскам. Еще мгновение спустя стол под ногами у автоматчика вдруг взвился на дыбы, не хуже необъезженного жеребца. Парень отлетел на пару метров и с размаху шлепнулся на спину.

Его звали Виталий. Или Витька-конопатый. Правда, за последние несколько месяцев он привык откликаться лишь на Сохатый. Не по годам и не по уму, как часто говаривали после очередных его выходов односельчане, физически развитый подросток сбежал из родной деревни, напоследок опустошив рожок отца «калаша» по окнам соседской избы, где гуляла свадьба, на которую его не позвали.

Он так и не узнал, что те, чьи имена он орал тогда, давя на спуск: «изменщица-Ксанка» и «предатель-Васек»... ни они, да и никто из многочисленных гостей не остались – как представлялось ему – лежать на залитом кровью полу. Пьяный угар, подогревший обиду, заставил подростка нажать на спуск, и хмель же вздернул вверх автоматный ствол – эффектно разнесшая стекла очередь прошла над головами собравшихся за праздничным застольем. Он так же не узнал, что раненный им на Желтой переправе приказчик выжил, что во время ночного налета на Михайловский прииск он опять впустую расстрелял свои два рожка...

...что никого еще он пока не убил.

Удар о пол был страшен – из легких махом вышибло воздух, в затылке словно рванула граната. Но где-то там, впереди, был этот чертов стрелок, и Витька попытался поднять голову...

...и увидел, как что-то маленькое, блестящее, окутанное облаком искр, летит прямо ему в лицо.

Выстрела он так и не услышал.

СЛЕДОПЫТ

Выстрела он так и не услышал. Просто в двух шагах от него хлюпнуло, выметнув фонтанчик бурой жижи, и в тот же миг он упал.

Надежда была исключительно на естественное человеческое качество – жадность. Сам-то Шемяка, после одного паршивого, едва не стоившего ему половины скальпа случая возвел

контрольный дострел сомнительных покойников в ранг обязательки, но вот есть ли подобное правило у того!

Вопрос, достойный принца шведского... или датского? Впрочем, сейчас это уже перпендикулярно.

Пока же остается лежать мордой в грязь и бормотать себе под нос старинную детскую считалочку: «я трупик-трупик-трупик, я вовсе не живой». И надеяться, что тот, кто стрелял, не собирается ждать, пока его трофеи вместе с бездыханным телом скроются под поверхностью трясины.

К счастью, тот не собирался – уже через полминуты Сергей явственно расслышал торопливое хлюп-хлюп-хлюп приближающихся шагов.

Хлюпало, как он и ожидал, слева-спереди. Все верно, заросли кустарника в той стороне были, по сути, единственным местом, где мог прятаться стрелок, – полтора чахлах деревца прямо по курсу могли послужить укрытием разве что сурку. Кустарник, к слову, объяснял также отсутствие звука выстрела – рассеять и поглотить и без того негромкий хлопок какой-нибудь мелкашки эти заросли могли только так.

Поначалу Шемяка собирался подпустить стрелка вплотную, но тот, подойдя метров на сорок, вдруг остановился, и Сергей, даже не успев толком задуматься, что было сил рванул порядком увязшее тело вверх и вбок. Мгновением позже из продавленной его головой ямки взметнулся очередной бурый фонтанчик, а еще миг спустя коротко простучал Сашка.

Фигурка – неожиданно маленькая даже для низкорослых болотников – впереди выронила ружье, качнулась, неловко взмахнув рукой, и упала.

Шемяка сел. Это было рискованно – убитого могли страховать, но почему-то Сергей знал, что этот болотник был один. Знал, и все тут. Когда-то давно он пытался разобраться, откуда берется это знание, даже раздобыл книжку по психологии. Настоящую, довоенную, почти целую – из шести сотен страниц не хватало лишь полусотни, ну и обложки. К сожалению, книжка оказалась полной заумью, хотя и польза от нее тоже случилась – одного, уже было совсем собравшегося швырять в него топор гопача Шемяка озадачил вопросом: «Мужик, а тебя лингво-церебральный анализ не беспокоит?» Озадаченный топорометатель впал в ступор, из которого был выведен Сашкиной пулей в переносицу.

Очень хотелось закурить. Машинально Серега начал вытирать руку о штанину, хотя грязи на пальцах от этой процедуры скорее прибавлялось, чем уменьшалось, затем опомнился, встал и, держа наготове автомат, начал подбираться к убитому.

«Маленький какой-то, – снова подумал он, – даже для болотника мелковат. И тощий».

Из одежды на убитом имелись серые шорты и нечто вроде мешковатой майки. Шагов через двадцать Шемяка понял, что майка и впрямь имеет к мешку самое прямое отношение, ибо когда-то мешком и была. Также он разглядел на спине трупа два красных, каждое с кулак размером, пятна выходных отверстий и опустил Сашку. Подошел вплотную, носком сапога приподнял ружье – ну да, однозарядная мелкашка. Теперь понятно, чего мазнул первый выстрел, оказывается, ствол винтовки проржавел чуть ли не насквозь, удивительно даже, что кто-то набрался храбрости палить из такого. И приклад весь в трещинах. Хуже чем барахло, волочь на продажу – так ведь не купит никто, а смеху будет...

С досады Сергей пнул винтовку так, что та улетела метра на три. Затем так же, ногой, осторожно подцепил за плечо убитого, перевернул труп лицом вверх, взгляделся – и, отвернувшись, сплюнул.

Загадка маленького болотника оказалась очень простой. Перед следопытом лежал ребенок. Лет то ли десяти, то ли четырнадцати – Сергей не настолько хорошо разбирался в здешних болотниках, но черты лица были детские, определенно. Этот... или эта, по виду не понять, да и грязь, а так... не в шорты же заглядывать! Впрочем, какая разница? Никакой! По-настоящему важным был лишь туго набитый кожаный мешочек, прицепленный к веревочному поясу и...

Шемяка, присев рядом, осторожно коснулся шеи, поддел пальцем что-то тонкое, блестящее...
...и маленький золотой крестик на цепочке.

СТРЕЛОК

«Правило седьмое: как только представилась благоприятная возможность, смени магазин. Иметь несколько патронов в запасе много выгоднее, чем остаться с пустым магазином в разгар перестрелки!»

Нажать защелку магазина, подхватить выпавший, вставить запасной – эту нехитрую последовательность действий его руки научились исполнять самостоятельно, без всякого участия головы, уже после первой тысячи повторов. Затем стрелок аккуратно поставил курок на предохранительный взвод, поднял руку и, разжав ладонь, позволил пистолету соскользнуть обратно в рукав.

И только после этого встал с колен и обвел взглядом зал.

Шестнадцать пар очень ошеломленных глаз. Поправка – минус один у пригнувшегося за дальним столиком мужичонки с жутким ожогом на пол-лица, и плюс два у вылетевшего из двери на кухню толстяка в засаленном переднике... с двустволкой.

«Интересно, что за войну он собирался тут устроить со своей „тулкой“? – с иронией подумал стрелок. – Четвертую мировую, не иначе. Герой...»

Он глубоко, полной грудью, вдохнул... задержал выдох... запахи табачного дыма и пота сейчас почти не чувствовались, напрочь перекрытые пороховой гарью и терпким привкусом крови. Вкус победы...

И вместо фанфар – жужжание мух. В тишине. Такого, похоже, они еще не видели, хотя уж который год жили в мире, где закон тайги зачастую был единственным по обе стороны частогола вокруг селения.

Стрелок перешагнул через опрокинутую лавку, подхватил пояс – блеснули на миг удивившие под пыльно-дымный солнечный луч пистолетные рукоятки, – за его спиной и по залу прошелестел первый шепоток. Разбился на несколько журчащих ручейков и вновь слился в слитно-неразборчивое «фыр-мыр-дыр-быр».

Сообразили... наконец-то.

Глухо звякнула отодвигаемая миска... проскрежетала лавка... скрипнули доски под тяжелым ботинком. Простенькая разминка для памяти – на том месте сидел мужчина в серой, с черными карманами куртке, лет сорока, рыжая и неплохо ухоженная борода из тех, что именуют окладистыми, а общее телосложение... ну, не грузный, а что-то среднее между плотным и кряжистым, подумал стрелок, дождался, пока шаги прекратятся, и развернулся.

Рыжебородый стоял в метре перед ним, сложив руки на груди. Страх в его глазах стрелок не прочел, скорее – уважение напополам с любопытством, и это, пожалуй, было хорошо. А если припомнить прошлый подобный раз, то и без всяких «пожалуй».

– Ловко ты их положил. – Рыжебородый повел рукой. – Бах-бах-бах, и в дамках. Народец даже, вишь, прибалдел малехо, а ведь не детишки, сам понимаешь, всякого видали. Но чтоб вот так, один на шестерых... хлоп-хлоп, и лежат голубчики, будто по арбузам на плетне палил. На такую работу прям любоваться глазам приятно.

Стрелок едва заметно пожал плечами.

– Я, значит, буду второе лицо всея здешней милиции, – продолжил рыжебородый. – Токошин Павел Дмитриевич. Лейтенант. Наши поселковые меня который уж год хотят до майора подвысить, да погон правильных не сыскать. Дю-фи-цит. А ты, значит, тот самый...

Вместо ответа стрелок нарочито медленным движением вытянул из внутреннего кармана плаща вчетверо сложенный тетрадный лист и протянул его Токошину.

– Ваше-то, – с усмешкой заметил тот, разворачивая бумагу, – тебе я и на слово поверю. После такой вот пальбы. Гумага, она, как известно, много чего вытерпит, хошь десяток печатей, – лейтенант поскреб ногтем расплывшийся фиолетовый оттиск, – на нее шлепни. А вот шестерым бандюганам по свинцовой пилюле в бошки засадить, это, как грится, характерный почерк, тут уж ни прибавить, ни убавить. Наслышаны мы о тебе, друг, наслышаны... хуть ты в наших палестинах и не отмечался досель. Романыч! – не поворачивая головы, неожиданно рывкнул он. – Подь сюды!

– И что за слава про меня в ваших... палестинах?

– А это, друг, смотря как посмотреть, – отозвался Токошин. – Дело ведь такое... относительно, как сказал не Карл Маркс, но тоже один умный еврей. Романыч!

– Тут я, Павел Дмитриевич.

– Ты вот чего, – развернулся лейтенант к подсеменившему толстяку. – Закрывай свое заведение... жрать-пить все равно никто сейчас не будет, а языками трепать на свежем воздухе даже и сподручнее. Мишка токо пусть останется, подсобить и... и все, Клавка твоя небось карманы вытряхнуть и у живого сумеет так, что любо-дорого. Давай!

– Цвай момент, Павел Дмитриевич!

– Ну так вот, – вновь обратился к стрелку Токошин. – Слава твоя... кто душегубцем честит, убивцем-кровопийцей, а кто и добавляет – побольше таких убивцев, как ты, глядишь, и по дорогам ездить куда спокойнее выходило б. Взять, к примеру, тех молодцев, что вокруг нас в живописных позициях разлеглись – тихие, смиренные... как по мне, упокойничками они лучше смотрятся, нежели в живом виде. Мы хоть и привыкли, что на ярмарку всякие людишки съезжаются, но, думаю, появишься ты деньков на пять позже, мог бы и без награды остаться.

– Бывает, – ровным голосом произнес стрелок. – А бывает, что и премиальные перепедают.

– Ну, мы все ж не Запупеевка какая! – фыркнул Токошин. – Понятно дело, сработали б далеко не так аккуратно и красиво, дыр вышло б куда больше, но...

– Дядь Паш... чего делать-то надо? – робкий тон вставшего за лейтенантом парня, по мнению стрелка, плохо подходил к его габаритам – вихры цвета спелой пшеницы лишь самую малость не дотрагивались до потолка.

– Сейчас все скажу... Романыч!

– Уже-уже запираю, Павел Дмитриевич! – крикнул суетившийся у двери толстяк. – Засов вот задвину-и все! Клав, ставни-то тоже позапирай, а то вон гляди, в каждом окне по десять рож, не ровен час, выдавят стекла носами...

– За лошадьми их тоже пусть присмотрят, – заметил стрелок. – И там, где они на постой...

– Пусто там, – уверенно сказал Токошин. – Сам третьего дня проверял. Ночевали они в сарае у Ноготковых, а днем все при себе таскали, не иначе чтоб в любой момент, если что, в седла – и деру. А вот насчет лошадей это ты верно, главное, вовремя. Клавка, погоду со ставней! Сунься наружу, глянь – Петров со своими добрался уже до места происшествия или как?

– Да тута он, Дмитриевич, тута, отсель вижу – трется на углу.

– Щас... Мишка, ты пока вот чего... чтоб Клавке лишний раз не нагибаться... пусть-ка Романыч один стол клеенкой постелет – будем, значит, оперировать по правилам. Романыч... нуты... керосинку-то запали, не жлобствуй, а то ведь ты меня знаешь! Если угляжу, что ты али Клавка сверх законной трети чего-нибудь из упокойничкового добра себе в карманы приговорите...

– Не приговорят, – холодно произнес стрелок.

– Эт ты, парень, Клавдию нашу Пятровну не знаешь, – лейтенант подошел к окну. – Романыч-то да, трусоват Романыч, а Клавка даже у черта лысого из-под носа чего ценное запросто утянуть попытается. Верно я говорю?

– Да будет вам, Павел Дмитриевич, вот уж напраслину-то мелете, – привычно-заунывно возразила трактирщица. – Когда ж это я... – закончить фразу ей не дал подошедший сзади Романыч. Цепко ухватив супругу за рукав, он утянул ее в дальний от стрелка угол, где семейная пара начала яростно перешептываться. Шепот, впрочем, давался их глоткам с трудом – до стрелка то и дело доносились обрывки фраз.

– ...Клавдия, Христом-богом прошу...

– ... да уймись ты...

– ...погляди, как он зыркает, чисто рыбина...

– ...вот пускай Пашка сам...

– ...дура ты и есть дура! Павел Дмитриевич тебя предупредил, а ты...

– А-апчхи!

– Будьте здоровы!

– Спасибо, – откуда-то из глубины бело-синего платка пробасил Токошин. – С лошадьми порядок, – добавил он, сворачивая платок и небрежно записывая его в потертую кобуру на правом боку. – Присмотрят.

– Готово все, дядь Паша.

– Ну, раз готово... – лейтенант, чуть склонив голову набок, несколько секунд разглядывал будущий «операционный» стол, затем фыркнул и развернулся к стрелку.

– С которого начнем?

Стрелок пожал плечами:

– Все равно.

– Тоже верно. Но, поскольку везде и всегда порядок быть должен, а в серьезном деле так особенно... давай-ка, Мишаня, тащи под лампаду атамана. А ты, Клавдия Петровна, покажи уровень работы.

Сноровки трактирщице было и впрямь не занимать: за каких-то две минуты все наличное имущество покойного бандита – за исключением кальсон и сетчатой майки – оказалось на соседних столах, рассортированное на несколько кучек. Единственная заминка вышла с зубами – если кольца с пальцев Клавка сумела ободрать самостоятельно, то с фиксами ей это не удалось. Подходящего инструмента под рукой также не отыскалось, и проблему пришлось решать Мишане – отвернувшись и состроив брезгливую гримасу, он без видимых усилий двумя пальцами выдернул изо рта покойника золотой мост.

К счастью для Мишани, оставшиеся покойники подобными украшениями не щеголяли.

– Н-да... – лейтенант, грузно облокотившись на край стола, ткнул пальцем в тускло поблескивающий кружок. – Маловато как-то. Я думал, у них в карманах дыр поменьше, а добра, соответственно, побольше. Романыч, неужели они у тебя все спустили?

– Какое там, Павел Дмитриевич! – всплеснул руками толстяк. – Сплошной же убыток... куренок жареный, другому б за пять «семерок» ушел, а эти если три кинут, считай, хорошо. Да вы ж тут сами, что ни вечер, сиживали...

– В блядский шатер они вроде как и не особо хаживали, – задумчиво произнес Токошин. – А-антиресно.

– Они проигрались крупно.

– Ну?

– Полторы недели назад они в Сергеевском, в корчме, пересеклись с Дурляго, – пояснил стрелок. – Играли почти сутки, без перерыва.

– А-а, тогда понятно, – кивнул Токошин. – Если с Дурляго. С Федор-то Артемьичем не забалуешься и, коль карта в масть не пошла, стволом да глоткой не перешибешь... у его ребятушек стволы-то тоже без дела не ржавеют. Жаль, конечно. Ты как, свою долю серебром желаешь получить или патрончики тоже сгодятся?

– Лошадей выкупите? – задал встречный вопрос стрелок.

– Пожалуй, да, – лейтенант начал расстегивать кобуру. – Только прежде ветеринару нашему, а-а-пчхи, Игнатову, скажу, чтоб осмотрел. Так-то, с виду, лошадки вроде чистые, но, сам понимаешь, дело такое... если и впрямь без, а-а-пчхи, мутагенных признаков, то выкупим.

– Хорошо.

– Договорились, значит, – Токошин вразвалочку двинулся к двери. – Тогда я в участок, писаря приведу. Он все это добро, как и положено, опишет, а там и посчитаем, чего да кому. Мишка, а ты постой, постой... тут еще одна работенка осталась.

Мишаня ожесточенно затряс головой.

– Не-ет! Работенка эта... нет, дядь Паша. За вещами пригляжу, а остальное...

– Экий ты, – начавший было отодвигать засов лейтенант обернулся и насмешливо глянул на побледневшего здоровяка, – белоручка. Романыч, ты-то сделаешь?

– Павел Дмитриевич!

– Тьфу, – трактирщица, скрестив на груди руки, зло сощурилась, – мужики... глядеть противно. Полрожка сверх отсыплешь? – спросила она у стрелка.

– Плюс клеенка, – спокойно произнес тот. – Чтобы сразу в узел.

– Сделаем, – пообещала Клавка. – Как в допрежние времена на плакатах малевали: лишь бы клиент не ушел недовольный нашим сервисом! Ты, – длинный, с кривым сколом, ноготь уперся в грудь трактирщика, – иди в чулан, выкопай там мешок из-под сахара, тот, на котором клеймо черное. А ты, – ноготь развернулся в сторону Мишани, – пройди через кухню во двор и приволоки чурбан с топором, справа от входа будет. Да смотри, не спутай – там их два. Тот, что слева, повыше – он для дров, а справа как раз нужный.

– Ты, Клавдия, главное, того, не увлекись процессом, – фыркнул Токошин. – А то начнет потом народец то пуговицу из котлет выковыривать, то...

– Ох, Павел Дмитриевич, уговорили – специально для вас выберу сейчас кого пожирнее...

– Клавка, язык у тебя... – вздохнул Токошин. – Дверь за мной запри.

– Я закрою, – сказал стрелок.

– Правильный чурбан, Клав Петровна?

– Правильный, правильный... давай, ставь посреди зала. Так, а теперь лавку к нему пододвинь.

– Зачем лавку? – удивился Мишаня.

– А ты как думаешь? – огрызнулась трактирщица. – Для удобства, вестимо.

Наклонившись, она сграбастала за ноги крайний труп и, двумя рывками подтянув его к своей импровизированной плахе, с коротким хеканьем взгромоздила на лавку.

– Понял? С лавкой-то легко и просто – за волосья подтянул и... – Клавка подняла топор и, словно вдруг вспомнив что-то, оглянулась на стрелка: – Слышь... как там тебя кличут... Швейцарец? Спорим, с одного удара справлюсь.

– Я не спорю, – сухо произнес стрелок. – Никогда.

– Ну и ладно, – разочарованно буркнула трактирщица. – И-и-раз!

Звук удара отчего-то показался стрелку неожиданно глухим.

– Спорить с ней, – вполголоса проворчал Мишаня. – Как же. Наловчилась на свинячьих тушах.

Глава 2

*А кто за мир и тишину?
А кто кричит: «Долой войну»?
Ах вы, чудо-патриоты,
Нет на вас морской пехоты!*

СЛЕДОПЫТ

Удивительно, но карта все же оказалась настоящей. Просто нужный остров находился километров на пять дальше. Бывает. В конце концов, не топограф этот мятый обрывок бумаги расчерчивал.

Неладное же Сергей заподозрил, обнаружив в сотне метров за первым забором из колючки остатки второго.

Конечно, на территории эмпэдэ¹ обычного мотострелкового полка тоже могло быть много чего нуждающегося в дополнительном ограждении. Только вот выглядел этот второй забор... вернее, сетка... на бетонных столбах... с изоляторами.

Электроизгородь.

Еще через полсотни шагов пулеметный колпак превратил его подозрения в почти уверенность. Ну а окончательную точку поставила крышка люка.

Крышка была большая. Метра два будет, прикинул Шемяка... толщиной. А весу в ней тонн за сто.

Он заглянул в шахту – пусто, конечно, только на самом дне что-то смутно белело. Похоже на груды костей. Впрочем, странно было бы ожидать найти здесь ракету – при открытом-то люке. Другой вопрос, почему воды нет, но к разряду шибко актуальных его не причислишь при всем желании.

Шемяка присел на люк. Осторожно выудил из внутреннего кармана полиэтиленовый сверток, скрутил здоровую, раза в два больше своей обычной, самокрутку, щелкнул зажигалкой и после первой затяжки едва не застонал от удовольствия. Хар-рашо!

«Самое смешное, – подумал он, – что дедок-то не соврал. Полк тут был, спору нет, а то, что не танковый или мотострелковый, а ракетный – так про то уговору не было. Ловко меня старый пень провел, ничего не скажешь, ловко. Три дня по болоту, чтобы найти в итоге шиш без масла. Здоровенный такой шиш... с крышку от ракетной шахты!

А ведь еще обратно ползти...»

Краем глаза он заметил, как из-за ближайшего пулеметного колпака неуверенно высунулось нечто переливчато-зеленое. Сергей начал было поднимать автомат, но почти сразу же передумал. Нагнулся, подобрал ком спекшейся земли и швырнул – не попал, конечно же, но молодой, всего полметра ростом, спрут все равно счел за лучшее втянуть щупальца и ретироваться обратно за колпак.

Дикие места, определенно, мысленно усмехнулся следопыт, вон какое зверье непуганое. Обычно болотные спруты шаги человека за пару сотен метров улавливают и, соответственно, пугаются... еще бы – деликатес как-никак! По крайней мере, считается, что деликатес, хотя вареные они на вкус подметка подметкой. Да и жареные немногим лучше. То ли дело кайман...

¹ МПД – место постоянной дислокации.

Он уже был почти спокоен – злость и обида первых минут, когда он понял, что надежда на крупный приз улетучилась как дым, схлынули, а вернувшаяся на привычное место рассудительность подсказывала, что не все так уж и плохо, как могло бы быть.

– Знаешь, Сашка, – вслух произнес Сергей. – Все путем. Вот если б мы с тобой вообще ни хрена не нашли, тогда да, тогда и в самом деле был бы повод для расстройтва. Атак...

Спору нет, уже мысленно продолжил он, доверху набитый оружием и боеприпасами склад, к которому можно привести караван, это здорово! Это, считай, пара лет беззаботной жизни где-нибудь подальше от болот, а если удачно вложиться, так шанс и вовсе завязать со следопытством. Эмигрировать... уехать в какой-нибудь Новый Сургут или еще севернее, где и климат поздоровее, и вообще жизнь, если верить слухам, не в пример полегче. Но раз уж тетка Фортуна не кажет нам свой ясный лик, скажем тете спасибо, что хоть совсем уж задом не повернулась.

– Где-то здесь должна быть караулка, – заявил он автомату. – Потому как колючка, электроизгородь и прочие прелести могли б остановить... ну, допустим, заблудившуюся корову – не горгону, разумеется, а обычную молочную буренку. Говорят, Сашка, бродили они До войны чуть ли не сами по себе, хоть и с трудом в такие сказки верится – а вот если к шахте попыталось лезть чего-нибудь двуногое? Нет, без людей система охраны быть не могла, и люди эти должны были быть при оружии. На крайняк, – задумчиво добавил он, – попробуем колпаки расковырять.

ШВЕЙЦАРЕЦ

Выставленный точно на середину полированной столешницы мешок смотрелся плохо. Можно даже сказать – отвратительно. Совершенно не гармонировал ни с благородной лакировкой, ни с бронзовой чернильницей, ни даже с потрескавшейся белой пластмассовой коробкой селектора. Вдобавок от него разило...

– За-апашок... мля!

Швейцарец едва заметно пожал плечами.

– Сами же хотели головы, – напомнил он.

– Ну так, – районный скривился еще больше, – чего ж еще хотеть?

– Другие просят пальцы или уши...

– А толку с них? – перебил Швейцарца районный. – Чай, не прежние времена, когда наука дактилоскопия на каждого варнака особую папочку с отпечатками евойными имела!

– ...но чаще всего мне верят на слово, – спокойно закончил Швейцарец.

Ему было скучно. «Как там именовал это Старик? Дежа вю? Очередное помпезно-безликое здание бывшего райкома, очередной бывший... Впрочем, – подумал Швейцарец, – Веньямин Петрович Чеботарев на бывшего партайгеноссе не похож. Хоть по возрасту и подходит. Скорее всего, попросту не хватило фантазии переименовать захваченный трон».

Чеботарев фыркнул и, дернув подбородком, придавил большим пальцем правой белую кнопку – не селектора, как с легким ехидством отметил Швейцарец, а привинченного к столешнице дверного звонка.

Звонка, впрочем, слышно не было, но секундой позже в кабинет сунулось нечто вихрастое и конопатое.

– Веньямин Петрович, звали?

– Звонил, а не звал, – строго произнес Чеботарев. – Учю тебя, лопуха, учю...

– Виноват, Веньямин Петрович.

– Виноват он, – районный зло дернул кончик уса. – На виноватых воду возят. И дрова... бревнами.

– Если прикажете, Веньямин Петрович, – пробормотал вихрасто-конопатый, – могу и бревна. Не горожанин ведь, с трактором управиться...

– С трактором, – перебил его Чеботарев, – и дурак сумеет! А ты без трактора попробуй, ручками!

– Так... – вихрастый осекся, сообразив наконец, что наиболее подходящими для него звуками сейчас будут звуки покаянного молчания.

– Трактором... – уже спокойнее повторил Чеботарев, зачем-то перекладывая папку красной кожи слева направо. – Вот еще.

Конопатый издал странный полувсхрип-полусвист, идентифицированный Швейцарцем после недолгого колебания как попытка изобразить виноватый вздох.

– Мешок видишь?

– Его, Веньямин Петрович, сложно не... то есть вижу!

– Отнесешь его к Желябову. И скажешь, что я приказываю эти... то, чего в мешке, выставить на площади перед райкомом. Для опознания и назидательного эффекта. Но не у входа, а напротив, на той стороне. Понял?

– Понял, Веньямин Петрович, – вихрастый энергично закивал. – Выставить. Для эффекта. Только...

– Что?

– Веньямин Петрович... жара. А тут запах. Мухи слетятся.

– Мухи... а ну да, мухи... слетятся, – районный, чуть наклонив голову, почесал правый висок. – Придумать бы чего...

– С точки зрения назидательного эффекта, – тихо проговорил Швейцарец, – а также исторического опыта лучше всего насадить их на колья.

– Колья, – Чеботарев задумчиво покосился на мешок, –годились бы, будь здесь не верхние, так сказать, оконечности, а персоны целиком. Тогда да. Помню, в соседнем районе лет семь назад Шахрединов, тамошний... Жорка, ну кто у них тогда был?

– Хан был, Веньямин Петрович. И район ханством обзывался.

– В общем, донимала его ватага одна, человек двадцать шесть, крепко донимала. Так что, когда накрыли ребятушек этих, то пятерых, что живыми взяли, товарищ хан приказал на колья посадить.

– А на кострах у вас еще не жгли? – с интересом спросил Швейцарец.

– Пока обходимся, – хмыкнул районный. – Было, правда, дело... году на третьем после войны... девка... из беженцев... заболела. То ли «серую лихорадку», то ли еще какую дрянь подцепила, а народ тогда был злой да пуганный... загнали все ихнее семейство в хибару, дверь бревном подперли, хворост под окна...

– Веньямин Петрович, – неожиданно выпалил Жорка, – а может, того, под стекло упрятать? Взять на первом этаже стол для экспонатов.

– О! – Чеботарев довольно оскалится. – Не зря все-таки я тебя держу... хоть и дурак дуриком, а местами ты, Жорка, все ж умный. Давай, чеши к Дуремар... к Желябову... только добавь, пусть он процесс выноски лично проконтролирует. А то...

– Веньямин Петрович, не беспокойтесь, все бу сде в лучшем виде! – пятясь к двери, скороговоркой выпалил Жорка.

– Смотри мне...

Тот факт, что петли у двери последний раз смазывали при царе Горохе, Швейцарец отметил, еще когда заходил сам. Особенно верхнюю. «Как он только этот скрип терпит изо дня в день? Звук ему нравится, что ли?»

– Ты, – обернулся к нему районный, – чего до сих пор стоишь? Давай, садись, вон кресел скоко! А я ща... – он снова придавил кнопку звонка, но на этот раз с двойной паузой.

– Спасибо. Мне лучше так.

– А? – растерянность, на долю секунды промелькнувшая во взгляде Чеботарева, наигранной не была. «Царь и бог» отдельно взятого Тулуповского района и в самом деле не понял фразу гостя. – Чего лучше?

– Стоя.

«Потому что я не имею привычки сидеть за столом с кем попало», – мысленно закончил фразу Швейцарец и представил, как бы передернулось лицо районного, услышь он подобный ответ.

– Восемь часов с мотоцикла не слезал.

– А-а... понял.

Дверь вновь издала посмертный визг. В освобожденный ею проход неторопливо вплыл широкий поднос. На подносе стояли хрустальный графин, два граненых стакана, тарелка с тонкими ломтиками ветчины и – Швейцарец с трудом сдержал искушение протереть глаза – голубенькая фарфоровая вазочка с букетом ромашек.

– Куда ставить, Веньямин Петрович? К вам на стол или на тот, что у окна?

– Давай сюда, Анют, – районный в очередной раз переложил папку. – Прямо сюда и ставь.

«Интересно, это Чеботарев специально так идиотски вырядил свою секретутку, – подумал Швейцарец. – Красная косынка, кожанка... ей бы еще кобуру от „маузера“ на бок да отучить бедрами вихлять на каждом шагу – и будет не Анюта, а почти настоящая Анка-пулеметчица. Верная подруга партийного вождя... верная... десять минут назад, в приемной, она, уверен, была готова прямо на своей пишмашинке разложиться. „Ах-х, вы и в самом деле тот самый, о котором все столько говорят?“

Павлиниха. И голосок у нее подходящий – хотя, наверное, это ей тоже Чеботарев подсказал: что «хрипло» является синонимом «томно».

Тысячу раз был прав Старик, когда утверждал, что бабы делятся на два вида: умные стервы и глупые бляди! Впрочем, Старик всегда прав!

САШКА

В общем, нельзя сказать, что слазили мы в тот раз совсем уж неудачно. Два «калаша» и пулемет из колпака в состоянии, правда, не шибко идеальном, из-за чего и цена на них была назначена соответствующая, – но, положи патрон в патронник, бывало и хуже. Три дня туда, три дня обратно, да сам остров – всего неделя, а, помню, в позатом году мы как-то месяца полтора впустую проболтались. Искали заброшенный продсклад, не нашли, зато наткнулись на каких-то полоумных сектантов и с ними еще набегались – сначала от них, потом за ними, потому как не оставлять же недобитков. Как вспомню, до сих пор обидно – почти сотню патронов на них извели, а взяли два старых ружья, ржавый «наган», ну и чего-то по мелочи... сплошной убыток, короче говоря. Хорошо, ближе к осени удачное дельце подвернулось, Наум-Картошка дальнюю экспедицию затеял, а как бы мы зиму перетянули... не знаю. Здесь, на Западе, с этим просто – или за стенами отсиживаешься, или орхидеи удобряешь. А за стену, понятное дело, кого попало не пускают – если не звенит у тебя в заветном кошеле круглым да желтым. И никак иначе, отработкой тут шиш расплатишься – дерьмо выгребать за конуру с похлебкой и то... конкурс, в три-четыре рыла на миску.

В этом году, что ни говори, а дела повеселее идут. Пол-года еще на подходе, а у нас, считай, две трети зимних уже набралось. Если и дальше в том же темпе отстреливаться будем, может, и ствол новый для меня раньше выйдет, чем думали, и даже отложить чего получится.

Такие вот у меня мысли бродили. В тот самый день, с утра. Кто ж мог сказать, что уже буквально через несколько часов жизнь так провернется, что за планы эти мои сплюснутой гильзы никто не даст! И-эх! Знал бы, как ветер дунет, – поправочку бы внес, а так...

Мы шли по базару – Айсману стукнуло вдруг в башку, что ему непременно нужна новая куртка. Причем непременно из бармаглота. Спору нет, на ощупь штука приятная – по себе знаю, был у меня как-то лоскут этой кожи в качестве тряпки для протирки, – но ведь за стенами ее разве что самоубийца наденет. В отличие от старой Серегиной куртки, которая хоть и выглядит, словно ее полосатый гиппо дня три жевал, но зато Макаркину пулю с пяти метров удержала. Вещь! Крокодилы благодаря этой шкуре уж какую сотню миллионов лет живут без всяких там видоизменений. Динозавров пережили, людей переживают и бармаглотов тоже наверняка переживут. Тем более что и зубов у крокодилов больше, не очень, но больше. Это вам не какая-то жертва мутации!

К тому же середина лета – время года для бармаглотов не то чтобы удачное, а совсем наоборот. Сейчас они кто на север откочевал, кто в спячку залег. Из нор ползут лишь поздней осенью. У шатунов же, как правило, шкура такая облезлая, что с ней никто и не заморачивается.

Но Сереге стукнуло, а когда ему вот так чего ударяет – разрывной не вышибешь! Спасибо еще, что к портному не потащился, хоть на это ума хватило. Там бы сделали в лучшем виде, только чтобы оплатить ее, пришлось бы с самого Шемяки кожу содрать, да и с меня тоже... верхний слой, тонкой стружкой.

Базар в этот день был один из самых больших на моей памяти. Только палаток сотни две, да еще столы под навесами. Ну и толпа на пару-тройку тысяч рыл. Пустыря, само собой, не хватило, и хозяевам пришлось в ударном темпе отгораживать частоколом здоровенный кусок пастбища, что на упорядоченности торгового процесса сказалось отнюдь не благоприятно. В том смысле, что и раньше на здешнем базаре черт мог запросто оба копыта сломать и левый рог в придачу, прежде чем что-либо нужное отыщется. А теперь...

Не-е, все-таки правильно нам тогда с Айсманом дед Павел сказал: «Такие, как мы, – мизантропы по натуре!» А уж когда толпа людей, да еще на ограниченном пространстве... шум, сутолока, пылища, мельтешня... у меня от таких вещей чувство, словно ствольная коробка вот-вот трещинами пойдет. Так бы взял да полоснул длинно, на весь рожок, – сразу б небось тихо стало, спокойно...

Сергея моего пакостного настроения не замечал. Или делал вид, что не замечает. Шел вразвалочку, не торопясь, задерживаясь чуть ли не у каждого прилавка, хотя, чтобы определить наличие-отсутствие искомого, то есть куртки, хватило бы одного беглого взгляда. Не заметить выделанную бармаглотовку – на такой подвиг, по-моему, разве что дальтоник способен.

Ну, в особо тяжелых, точнее, в особо идиотски-бессистемно разложенных случаях, так и быть, не взгляда – одного вопроса торгашу.

В результате этого улиточного марша три ряда, отведенных для торговцев шмотьем, которые по-хорошему можно было пробежать минут за пятнадцать максимум, одолевали мы с ним час. Битый, тот самый, за который двух небитых дают. По крайней мере, я ощущал себя так, словно по мне весь этот час кувалдой постукивали – вполсилы, но с оттяжкой, так, чтобы звон долго не затихал.

Подходящей куртки не было. Как я и ожидал. Было с полдюжины ношенных, но те, что подходили Сереге по габаритам, выглядели далеко не на сто два процента, а уж цену за них ломили – у меня чуть магазин не вывалился, когда услышал. Жадность жадностью, я и сам, чего греха таить, иной раз очередь обрезаю раньше, чем стоило б, но эти рыла, похоже, совесть и ум на оптимизм променяли. Причем безудержный и безграничный. Хотел бы взглянуть через прицел на того уникама, который эти обноски купит... только сдастся мне, что без консервационной смазки не дожидаться чуда эдакого.

Шемякино упрямство, впрочем, тоже вполне заслуживало пары ласковых... эпитетов. Убедившись, что нужной ему тряпки в шмоточных рядах нет, он не развернулся и не напра-

вился обратно на постоянный двор, а выхлебал кружку ледяного кваса и продолжил свое прочесывание базара дальше. Причем все в том же сонно-мушином ритме.

Мне в тот момент очень захотелось соскользнуть с плеча и садануть этого ишака ребром приклада по колену – когда я злюсь, у меня этот фокус хорошо получается, а злился я так, что, казалось, смазка вот-вот закипит. Но Айсману повезло, причем дважды: сначала я отвлекся на пару очень симпатичных накладочек на рукоятку, а около следующего прилавка мы нос к носу столкнулись с Коляном.

Колян, как обычно, стволом вниз висел на правом плече Евграфыча – он по части стрелка такой же однолюб, как и я, и так же считает, что от добра бобра не ищут, слишком велик шанс на козла напороться. И коль уж попал к человеку, у которого руки не из задницы растут и должный уход обеспечивают, то человека такого надо любить, холить и лелеять. А дураки, которые думали по-иному: что, мол, жалеть о человечешках, я железный, он из плоти, чуть оцарапался – кровь ручьем, а там и гангрена с могилой. Сегодня один, завтра другой – расходный материал, вроде патронов... мясо! Ну и где теперь эти «умники» в подавляющем большинстве своем?! В земле... сломанные, изъеденные ржой... а то и в горн, на переплавку – чего зря металлу пропадать.

У Коляна в этом смысле опыта куда больше, чем у меня. «КО-44» с ПУ – карабин трехлинейный, образца 44-го, с прицелом оптическим... он счет ведет не с последней войны – с предпоследней.

– Доброе утро.

– Утро добрым не бывает, шемуля! – словно в подтверждение своих слов Евграфыч продемонстрировал Шемяке одну из своих лучших, на целых семь зубов, улыбок.

Сторонний человек при этом запросто мог бы и сблестнуть – удар, лишивший Евграфыча большей части зубов, основательно задел также лицевые нервы. И хотя обычно лицо старого следопыта выглядело почти нормально – полдюжины давно затянувшихся шрамов не в счет, подобными украшениями мог бы похвастать каждый третий мужик его лет – стоило ему лишь попытаться улыбнуться, как правую сторону лица перекашивало совершенно жутким образом. Сергей знал, что минимум дважды подобные ухмылки едва не стоили Евграфычу жизни – причем во второй раз «мутанта» даже успели облить бензином.

Шемяку же эта улыбка могла испугать разве что едким чесночным запахом – чего бы старик ни сожрал на завтрак, шибало у него сейчас из пасти здорово, метра на три.

– Это кому как.

– Тож верно, – кивнул Евграфыч. – У дураков и мутантов, как общеизвестно, все не как у людей. Мож и утро тож. Давно с промысла-то?

– Второй день. А ты?

– Пятый. Ходил с Юркой-Скелетом и Лампочкой к Дальнему Острову.

– И как?

– Так себе. А у тебя?

– Аналогично.

Этот ритуал всегда казался Айсману забавным – с одной его стороны считалось обязательным спросить, как идут дела у брата-следопыта, с другой же хвастаться удачным уловом считалось дурной приметой. Равно как и жаловаться на пустышку, если вернулся живой и относительно целый – значит, тетке Фортуне твое рыло еще не окончательно наскучило.

Впрочем, если у человека есть глаза и голова и он умеет ими, особенно последней, пользоваться...

К примеру, на Евграфыче из-под его старой вязаной безрукавки выглядывает черная рубаха – по виду новенькая... как бы даже и не шелковая. Это раз. А два – Юра-Скелет на скелет внешне совсем не похож, а похож он на шкафчик два на полтора метра. Говорили, что два года назад, потеряв напарников, Скелет в одиночку доволоч сломавшийся болотоход с пол-

ным кузовом, ни одного ржавого ножа не выбросил – и, повидав Юрку вблизи, Шемяка этому рассказу верил безоговорочно.

Вот если взять да и сложить эти раз и два...

Евграфыч неожиданно топнул – и уже почти дотянувшийся из-за его спины до кисета на поясе оборванец шарахнулся прочь, тоненько подвывая при каждой попытке наступить на отдавленную тяжелым ботинком ногу.

– Малехо пострелять пришлось, – спокойно продолжил следопыт. – Сначала по дороге с какой-то ватагой схлестнулись, потом на самом Острове – с этими... клановцами.

– Которыми?

– Которые Медведи. Не знаю уж, – Евграфыч сморщился, – чего в них медвежьего, окромя разве что дерьма. Умишка, так точно нет, даже утиноного.

– Чего они хотели?

– Да как обычно: здесь земля наша, копать не смейте, чего уже нарыли – гоните нам и еще сапоги будете целовать, что целыми уйдете. Это вчетвером-то против нас троих! Мы от такой наглости аж ошалели. И то – вдруг по кустам еще дюжина расселась.

– Я смотрю, – задумчиво произнес Шемяка, – с клановцами этими проблем с каждым годом все больше.

– Вони от них с каждым годом все больше, – проворчал старик. – Жаль, лет пять назад, когда они самые первые... Арцыбашевцы и кто там еще был... псину еще у себя на куртках малевали...

– Головаши вроде.

– Голованы. Тогда вот надо было собраться да и развесить их на какой-нибудь рощице... поживописней. Леха Пегий так и предлагал – не послушали. Их ведь, – огорченно добавил Евграфыч, – и была полусотня, не больше. А сейчас даже и считать неохота...

– Я бы, – заметил Шемяка, – пошел.

– Да и я хотел, – Евграфыч зло сплюнул, – только Трофим... помнишь его? Черный такой, в драмом ватнике постоянно шлялся?

– Это у которого катер синий был? Еще ракетой по нему пуляли?

– Он самый. Вот он и еще один парень, с севера, начали ныть: ой, да блин, куда-то идти, время тратить, патроны жечь, да ну, месяц в самый сезон, делом надо заниматься. А эти уроды, мол, сами друг друга перестреляют, а кто останется, те зимой всенепременно загнутятся.

– Ну, почти угадали, – хмыкнул Сергей. – Тех же арцыбашевцев, насколько я помню, свои же клановцы и уделали.

– Они, мля, друг другу свои, как питону – бешеный кролик. Между собой грызутся, с болотниками постоянно пальба...

– Так у них же это, – заметил Шемяка, – как бы политика. В смысле, с болотниками воевать.

– Политика, мля... че-то болотников от этой политики сильно меньше не становится. Будь иначе – я бы, ей-ей, первый сказал: надо ж, хоть что-то полезное клановцы сделали. Но пока что толку не видно, а эти, с Болот, совсем нервные заделались. Раньше с ними хоть иногда поговорить можно было...

– Вроде даже и сейчас какая-то торговлишка идет...

– Идет, – кивнул старый следопыт, – да не по нашу душу. Вернее, как раз по... в общем... ты где остановился? У Матрены?

– У нее.

– Я так и подумал – раз не у нас, в «Ослике», то у Матрены. Короче, – Евграфыч цепко глянул по сторонам, – сегодня или, нет, лучше завтра вечером подваливай к нам.

– А что, – вполголоса спросил Айсман, – разговор какой серьезный намечается?

– Не... – старик поправил ремень карабина, – не намечается. Но ежели зайдешь, поговорить о чем будет. Ты, щенуля, хоть и сосунок, но сосунок правильный... с думалкой. А это по нынешним грустным временам куда ценнее иной седой башки. Считай: в «Ослике» из наших я, Лампочка, Матвей Ямпольских, Две Удочки, Женька Багрянцев... че мы, тему не нароем?

– Ну вы, я погляжу, окопались.

– Дык... в «Ослике» ж пойло свое – аппарат на кухне, прям из змеевика в кружку капает.

– У Матрены зато еда не в пример, – возразил Шемяка.

– Ну это кому что, щенуля, кому что... так ты подумай насчет зайти.

– Подумаю, – пообещал Сергей. – Да... Евграфыч... насчет работенки чего слышно?

Намечается чего-нибудь в ближайшее?

– Вроде нет, – Евграфыч, сдвинув кепку, потер висок, нахмурился. – Я-то точно буду Юрку ждать, а он раньше конца июля навряд ли стронется.

– Чего так?

– А таратайка евойная на обратном пути чуть не сдохла. Верней, пару раз почти сдохла... думали уж, запрягаться придется, а то и вовсе... так что он ее в Сажино повез, а это пять дней дороги в один конец.

– Ясно. А вообще?

– В ва-абче... тихо. Разве что... – Евграфыч сделал паузу, – скупщик один вчера болтал мне, что его какая-то странная девка насчет следопытов пытала: кто, мол, и как...

– Хм. Что за барыга и что за девка?

– Скупщик – тезка твой, Сергей. Фамилии не помню... у него еще правое ухо наполовину срезано...

– Знаю, – быстро сказал Шемяка. – У него в подвале близь Западных ворот лавчонка, с черной такой вывеской. А девка?

– Тут я без малейшего понятия, – Евграфыч едва заметно повел плечами. – Барыга про нее сказал – чокнутая.

ШВЕЙЦАРЕЦ

Вихрастый не соврал – все «бу сде» в лучшем виде, и когда Швейцарец выходил из райкома, около витрины напротив уже собралось человек семь. Правда, вокруг стола для жучиных бегах в дальнем конце улицы народу толпилось как бы не больше...

А вот выглядывающая из-за его, Швейцарца, мотоцикла клетчатая кепка – это было и впрямь нечто удивительное.

Когда-то, давным-давно, Швейцарец возил с собой толстую цепь и здоровенный амбарный замок. Недолго – всего несколько месяцев. Затем он перестал возить цепь, а люди перестали приближаться к его машине ближе чем на три шага, и в последующие годы эта дистанция лишь увеличивалась.

Сейчас же он едва не перешел на бег. Но, пройдя несколько шагов, увидел торчащие из-под кепки уши, понял и оставшуюся часть пути отшагал прежним спокойно-размеренным шагом.

– Смотришь?

– Ага, – отозвался обладатель кепки, звонко чихнул и размазал носом по запястью очередное влажно-грязное пятно. – Твоя телега?

– Моя, – серьезно кивнул Швейцарец.

– Здоровская!

– Здоровская. Тебе девять или восемь?

– Годов? – обладатель кепки гордо выпятил грудь. – А вот и не угадал, не угадал! Семь полных и два месяца.

– Шляпа не жмет?

– Нормалек, – попытка мальчугана скопировать вальяжные нотки кого-то из старших заставила Швейцарца улыбнуться. – Самое то размер. И выглядит здоровски.

– Верю. Выглядит и в самом деле здоровски.

«Желтый с черным хорошо гармонирует, – мысленно добавил он, – и если ты когда-нибудь узнаешь, что означает слово „гармонирует“, скорее всего согласишься со мной.

Проклятие, – с неожиданной тоской вздохнул он, – неужели я когда-то тоже был таким? С такой же несуразно тонкой шеей, лопухий... Интересно, что же подумал Старик, когда эдакое чудо вышло к ним из тайги? Он никогда не рассказывал...

...а я никогда не спрашивал».

– А ты, выходит... – мальчишка отступил на шаг и, наклонив голову, разглядывал Швейцарца. Смотрел с любопытством, без малейшей тени страха – так на него последнее время редко кто глядел.

На миг ему вдруг показалось, что малой похож на Пашу, Человека-Птицу. Бред, мистика – как, спрашивается, семилетний пацан может быть схож со взрослым, у него еще пять раз все черты переменятся! Но все же Швейцарцу пришлось моргнуть, прежде чем наваждение спало.

– Этот... ну, тот самый.

– Выходит, – Швейцарец неторопливо обошел мотоцикл и присел на корточки. – И входит.

– Ну тот... которого все боятся.

– Что, так страшно выгляжу?

– Не... – мальчишка дернул подбородком. – А вот когда я только подойти к мотику хотел, меня одна тетка за рукав схватила. Я вырвался и подбежал, а она забоялась. Крикнула пару раз и убежала.

– Это все репутация.

– Репа-чего?

– Ре-пу-та-ция, – четко выделяя каждый слог, повторил Швейцарец.

– А чего это значит? – немедленно спросил мальчишка. – Когда все боятся, да?

– Вроде того. Ре-пу-та-ция – это когда все боятся, даже если ты ничего не делаешь.

– Совсем-совсем ничего? – с явным недоверием переспросил обладатель кепки.

– Почти.

Отчего-то ему сейчас очень не хотелось отвечать на вопрос: что же включает себя это самое «почти». В особенности – использовать в качестве примера витрину с головами.

Глупость, конечно же...

– Слышь... а чего тебя кличут так странно?

– Странно – это как?

– Ну, непонятно. У всех если кликухи так кликухи: Черный, ну или Хромуля... брательника вон моего, – мальчишка махнул ладонью вдоль улицы, – все норовят Сплющенным прозвать... у него физия и впрямь будто дверью прихлопнутая. Меня раньше Занозой звали, а сейчас уже три дня как – Метр-Кепки, во! А у тебя заковыристое, с ходу и не выговоришь. Швеи-и-чего-то-там...

– Швейцарец.

– Во. Швеи, царь и еще ларец, – мальчишка засмеялся. – Нерусское, что ли?

– А ты про Швейцарию никогда не слышал?

– Не. А чего это такое? Район за горами?

– Примерно, – Швейцарец выпрямился. – Это страна.

– Страна? – переспросил Метр-Кепки. – Как до войны было, Союз, Америка и все такое?

– Да.

– Так их же тю-тю, – удивленно присвистнул мальчишка. – Батя говорит, что ни одной не осталось. Кого не закидали, те либо Зимой повымерзли, либо позатопляло их после.

– Может быть, – отозвался Швейцарец. – С подавляющим большинством именно чего-то из перечисленного и произошло. Но лично я склонен считать, что если у этого правила есть исклю... Говоря проще, я думаю, что Швейцария уцелела.

– Она что, вся такая самая особенная была, эта твоя Швейцария?

– Да.

– А чем? – тут же требовательно спросил Метр-Кепки.

Вместо ответа Швейцарец расстегнул плащ. Вытянул из левой кобуры пистолет, выщелкнул обойму и рукояткой вперед протянул оружие мальчишке.

– Ух ты! Здоровско!

Пистолет немедленно был направлен на ближайшего прохожего, который вроде бы и не смотрел в их сторону, но при этом шарахнулся с предполагаемой траектории выстрела с вносящей уважение быстротой... и подпрыгнул, когда ствол со звучным «паф-ф» дернулся следом.

– Те самые, твои... слышь, а... правду говорят, что ты из них за двести шагов в глаз на выбор lupишь?

– Не знаю.

– Как не знаешь? – от удивления Метр-Кепки даже опустил пистолет.

– Никогда не пытался попасть из них за двести шагов в чей-нибудь глаз, – объяснил Швейцарец. – Тем более «на выбор».

– А-а-а...

– Смотри, – Швейцарец вновь опустился на корточки рядом с мальчишкой. – Видишь, на щечках рисунок: красный щит с крестом.

– Ага. И чего эта?

– Герб.

– Вроде как на старых монетах? Там рисунок хитрый: мяч и колосья вокруг... но у тебя красивше, – неожиданно закончил Метр-Кепки и вновь шмыгнул носом.

– Это герб Швейцарии. До войны считалось, что все сделанное там – всегда самое надежное и точное. Известнее всего были часы – знаменитые хронометры...

– О! Вспомнил! – перебил Швейцарца мальчишка. – Где я про твою Шве., эту самую, слышал. Как ты про часы сказал, сразу вспомнил. Мамка на батяню все время ворчит: ты, мол, над тикалками своими трясешься, словно они у тебя эти... швейцарские. Во, выговорил!

– Молодец.

– А у тебя, – жадно спросил Метр-Кепки, – небось и часы настоящие... ну, из этой Швейцарии?

– Нет, – спокойно солгал Швейцарец. – У меня часов нет вообще.

– Совсем?

– Совсем. Я просто никогда никуда не тороплюсь.

– И что, – насмешливо сказал мальчишка, – постоянно опаздываешь?

– Наоборот. Всегда успеваю.

Метр-Кепки недоверчиво мотнул головой.

– Так не бывает, – авторитетно заявил он. – Если ты говоришь, что часов не таскаешь, откуда узнаешь, вовремя пришел или нет?

– Просто. Я, – Швейцарец чуть повысил тон, – всегда прихожу правильно. А если меня кто-то ждет, значит, этот или эти кто-то пришли раньше, чем было нужно.

– А-а... – разочарованно вздохнул мальчуган. – Ну конечно, если ты большой и сильный, тебя ждать будут.

– Да. Потому я и сказал, что все просто. Ты тоже так можешь: стань большим и сильным, и тогда не ты будешь опаздывать, а другие будут приходить раньше времени.

– Хорошо бы, – Метр-Кепки вздохнул еще раз. – Да пока вырастешь... а сейчас мне домой бежать надо, а не то мамка разозлится и ка-ак всыпит...

Он с тоской глянул на пистолет в своей руке... провел пальцем по затейливой вязи насечки... снова вздохнул – и решительно протянул пистолет Швейцарцу.

– На, держи! А я побежал.

Он и в самом деле сорвался с места еще прежде, чем Швейцарец начал вставлять на место магазин, но уже через два шага резко затормозил, подняв при этом босыми ногами целое облако пыли, обернулся и, весело скалясь, крикнул:

– Слышь... а я так и не понял – чего тебя все боятся-то?!

Ответа он не ждал – выкрикнул и понесся дальше, ловко перепрыгивая через пробившиеся сквозь асфальт пучки остролистой травы.

САШКА

И тут – мать моя фреза! – я увидел Ее!

Это было, как выстрел в ночи, – вспышка, после которой слепнешь, глухнешь и перестанешь замечать все вокруг. Кроме Нее.

Аккуратная, чистенькая, она прямо-таки завораживала меня своими изящными очертаниями – не магазинная худышка, но и без всяких там пулеметных излишеств. Длинный ствол, пистолетная рукоятка, черная ребристая ствольная накладка...

Определенно, это было то, что люди называют любовью с первого взгляда. Именно так – едва увидев Ее, я понял, я ощутил, что мы созданы друг для друга, созданы, чтобы быть вместе. Я – и Она.

«АКС-74» и «М16А1».

Спутника же ее я удостоил куда меньшим вниманием. Да он и не выделялся ничем особенным, по крайней мере с виду. Обычный «АКМС», позднего, судя по красновато-коричневому цвету рукояток, выпуска, штык-нож примкнут. Последняя деталь меня в любой другой момент изрядно бы насмешила – на кого, интересно, его хозяин собрался бросаться в штыковую? – но в тот миг я мог думать только лишь о Ней.

Меня, словно закаливаемый клинок, бросало то в жар, то в холод. В одно мгновение казалось, что вот-вот – и ствол начнет оплывать, словно под лучами термоядерной, пятная землю горячими каплями. И тут же арктический, нет, космический холод стискивал меня со всех сторон.

Наверное, будь я человеком, то счел бы, что подхватил какой-то сильнейший вирус, из свежемутировавших... лихорадка мгновенного действия. Но у автоматов не бывает насморка, и чихать, и кашлять мы можем, только лишь «наевшись» отсыревших патронов.

Я смотрел, как, покачиваясь в такт шагам, она проплывает мимо – медленно, невероятно медленно, по миллиметру в час, в день... в вечность... и при этом все равно ужасающе быстро. Нет, нет, как же так – только ведь она шла навстречу и вот уже проходит мимо... и сейчас окажется позади... и скроется из виду в пестрой галдящей базарной толпе, исчезнет, заслоненная людскими спинами... Нет!

Клянусь последним патроном, если бы она прошла мимо, то я... я бы... сотворил нечто безумное! Например, высадил бы весь рожок прямо в ослепительную голубизну небес – плевать, что в патроннике пусто и предохранитель наверху! Я – автомат, а не какая-то там примитивная мышеловка! Венец прогресса и эволюции, шедевр механики, дитя человеческого гения, рожденное убивать и научившееся думать... чувствовать...

...и любить!

Она не прошла мимо. Тот «АКМС», ее спутник, что-то коротко лязгнул – она остановилась, неторопливо развернулась в мою сторону, приблизилась... окинула взглядом... оценивающе – и одобрительно качнула рукояткой.

Мне казалось, на меня сейчас должно пялиться не меньше трех четвертей базарной толпы. Еще бы – не каждый ведь день увидишь, как ствол спокойно висящего на хозяйском плече автомата вдруг, ни с того ни с сего, начинает медленно наливаться краснотой. Словно его положили в невидимый кузнечный горн... или же пытаются одной непрерывной очередью отстрелять сквозь него столь же невидимую и вдобавок неслышимую ленту на пару тысяч патронов. Почти незаметный отлив поначалу... затем цвет все гуще... из кирпично-красного в темно-вишневый...

Если что-то умеет думать, то оно ведь и с ума может сойти? Логично?

А я просто хотел спросить, как ее зовут. Всего лишь. Хотел – и не мог. Как будто расплавленного свинца в ствол залили – щедро так плеснули, не скупясь, полкотелка минимум. Для надежности же еще и прошлись по ствольной коробке электросваркой, намертво приваривая все, что может лязгать, щелкать и вообще сдвигаться хоть на микрон.

Она тоже молчала. Висела прямо передо мной, вся такая стройная, изящная, чуть откинувшись всем телом назад и выпятив при этом приклад, – и не издавала ни звука.

У людей, кажется, такое вот молчание именуется загадочным. Не знаю. По мне, так это была самая натуральная пытка. Да-да, именно так. Мне доводилось слышать, как кричат, корежась и разламываясь, мои собратья, угодившие под беспощадный пресс танковых траков, – сейчас бы я мог кричать так же или даже еще страшнее.

Между нами было всего полметра. Полметра! Качнуться, соскользнуть с Серегиного плеча и, вращаясь, словно бы нечаянно, ненароком дотянуться до Нее кончиком рожка. Одно мимолетное касание – и неважно, что будет после!

Это было *на-важ-де-ние*. Я избавлялся от него – понемногу, словно бы остывал после жаркого боя. Так же неожиданно вдруг оказывалось, что в мире есть еще звуки, кроме грохота моих выстрелов, какие-то цвета, кроме хлещущего из ствола пламени, и вообще мир отнюдь не ограничен той, единственной, в которую нити выпущенных мной пуль... не ограничен мир – целью.

Прошло – осознал, что пока вид заокеанской красавицы бросал меня в экстремальные термические перепады, наши хозяева вели довольно оживленную беседу. Местами даже переходя на повышенные тона.

Кстати, о хозяевах. Выбор черной красотки меня, откровенно говоря, слегка озадачил. Женщина... слабый пол... ну, допустим... наши с ней три с хвостиком кило к разряду неподъемных тяжестей отнести сложно. Тем более что мускулатура данной конкретной особи, насколько я мог судить по открытым для публичного обозрения участкам тела – открыто было изрядно, коротенькие рукава, шорты... мечта комара во плоти, – так вот, мускулатура была развита вполне достойно. Не комки вперемешку с буграми, но и отнюдь не тряпки. И общее сложение вполне себе пропорционально. А вот стиль прически, вернее сказать, отсутствие такового, будил во мне кое-какие не очень приятные воспоминания. Знал я одну винтовку, чья хозяйка также предпочитала «свободную до плеч». Ухода эта копна требовала практически ежедневного – и бывали случаи, когда уход сей совершался в ущерб уходу за оружием. Про то, как замечательно вышеуказанная копна цеплялась за ветки, я промолчу и просто скажу, что итог, как и следовало ждать, был печальный – именно тех трех четвертей секунды, которые ушли на откидывание с прицельного глаза непослушной пряди, им с винтовкой не хватило, чтобы опередить вражеского пулеметчика. Три пули в винтовку, пять в хозяйку... их и похоронили вместе.

Конечно, польза от волос тоже есть, признаю. Голова – это одна из важнейших для хозяев деталей, и возможные удары по ней желательно как-то амортизировать. Однако должна быть какая-то разумная достаточность... или можно в косу заплести... да хоть бы в «конский хвост» собрать!

Нет, не понимаю я иногда людей. Впрочем, мне и не положено. Мое дело – дырки в них делать, чем несовместимей с жизнью, тем лучше.

Глава 3

*Медленно ракеты уплывают вдаль,
Встречи с ними ты уже не жди.
И хотя Америки немного жаль,
У Китая это впереди.*

СЕРГЕЙ

Девка была чокнутая – совершенно точно. Красивая, но с та-акой придурью в башке. За десять минут разговора с ней у Айсмана уже раз пять возникало желание плюнуть, послать ее за Дальний Лес, развернуться и уйти. Но каждый раз он это желание давил.

Лет ей было на вид шестнадцать-восемнадцать – в самом, что называется, соку. Больше – навряд ли, слишком уж свежо выглядит. Не потасканно, как любит говорить в подобных случаях Дон Жуан де Лешка Максимов, первый, по общему мнению, спец по женской части среди следопытов. А явилась она сюда, судя по выговору, откуда-то с востока... то-то вырядилась так, что местные на нее уже все шеи посворачивали. Ладно еще, руки голые, но штаны эти обрезанные... как их... шорты... при том, что у здешних баб юбки до пола, строго. А тут... от бедра и ниже, до самых сапог. Хороших таких сапожек, черной кожи, толстая подошва...

– Эй. Ты вообще меня слушаешь?!

– А?

– Бэ! Я тебе что, туша на прилавке? Тебе куда врезать, чтобы в глаза начал смотреть, когда с людьми разговариваешь?!

Можем и в глаза, мысленно усмехнулся Сергей, благо тоже есть на что посмотреть. Левый голубой и зеленый правый – не доводилось пока такой вот штуки видеть. Мутация? Хрен знает. В остальном-то лицо у нее вполне правильное... разве что под волосами, этой волной цвета меда, скрывается третье ухо или еще чего – и такое, говорят, бывает.

А времена сейчас такие, что веришь во все это, даже и не рассуждая особо.

– По-моему, мы зря теряем время, – неожиданно сказал спутник разноцветноглазой.

До сих пор этот среднего роста и возраста мужик в потертой светло-коричневой полу-броняшке – куртке с нашитыми железными пластинками – занимался тем, что молчал. И с каждой секундой этого молчания не нравился Айсману все сильнее.

Это был собак. В смысле псина мужского рода – опытный, перегрызший на своем веку не одну волчью и человеческую глотку, заработавший уйму отметин о кровавых схватках... выигранных. Неподвижность его скуластого лица могла бы ввести в заблуждение многих – но Шемяка был уверен, что бесстрастность эта мнимая, а на деле же спутник девки чуть ли не с первых минут разговора очень сильно хочет его убить. Жаждет. Выхватить саблю, рукоять которой торчит у него над плечом, и располовинить. Именно так, не выстрелом в упор, а чтоб фонтан кровищи на полбазара.

– Надо же, – нарочито удивленно произнес Сергей, – а я уж начал думать, что ты немой.

Жаль, патрон не дослан, мелькнула у него мысль, ну да ничего. Пусть только дернется. Прилавок позади, как по заказу, завален шкурами, если что – прыжок, перекат... да я его три раза очередью переkreшу, прежде чем он до меня своей железякой дотянуться сумеет. Даже если у него под курткой еще какой пакостный сюрприз – пули в полуметре от ствола не держали даже старые, довоенные броники, а уж нынешние и подавно.

– Теряем мы время или находим его, Энрико, – решаю я!

О как! А нотки-то в голосе резкие, командные нотки. Переругиваясь с соседками, такому не научишься, хоть с рассвета до заката со всей округой лайся.

Причем даже не обернулась на него. Уверена, значит... в прочности поводка и ошейника.

«Не-е, – с трудом сдерживая рвущуюся наружу злорадную ухмылку, – подумал Сергей, – определенно ты, Энрико, собак! Волк бы на такое враз рванул клыками, не задумываясь. А ты сам себя посадил на цепь и потому молчишь. Молчишь, хоть и внутри тебя сейчас все клокочет, словно в перекипевшем чайнике.

Понять бы еще, чем именно эта краля с сумасшедшинкой тебя держит. Вряд ли телом... не верю, чтобы она уже умела так вот запросто вить из битого-перебитого мужика веревки. Странно все это».

– Не знаю, чего решаешь ты, – вслух произнес он, – но лично я собираюсь развернуться и пойти по своим глубоко личным же делам. Если, конечно, ты прямо сейчас не скажешь чего-нибудь впрямь интересного. Пять секунд, время пошло!

– Ты!

Шемяка вдруг понял, что и барыга, и он здорово обманулись. Девчонка была не чокнутая, а много хуже – бешеная. Точно-точно, один взгляд чего стоит.

Попытайся она в этот миг перегрызть ему глотку, Айсман ничуть бы не удивился. Скорее уж его удивило, что разноцветноглазая, шумно выдохнув воздух, почти спокойным, будничным тоном осведомилась:

– Двадцать золотом вперед тебе интересно или как?

Сергею было интересно. Даже очень. Два десятка золотых напахивал за сезон далеко не каждый следопыт. Пожалуй, даже не каждая команда – разве что с машиной и в удачный рейд, когда кузов от трофеев ломится.

Шемяка же, предпочитавший работать сам-один, мог рассчитывать на подобный куш при о-о-очень большой удаче. Скажем, найти целенький, никем не тронутый оружейный склад. Ну или самородок соответствующих размеров – неизвестно еще, чего проще.

Ему было интересно – и одновременно плохо.

– Допустим.

– Это «да» или как?

– Допустим, что интересно.

Плохо то, что двадцать монет были приманкой – жирной, вкусно пахнущей, но явно таящей внутри крючок. Хороший такой, заточенный, хрена с два спрыгнешь, коль хватило ума насадиться. Айсман понимал это... но пройти мимо такой приманки было выше его сил. Двадцать золотых, два десятка маленьких тускло блестящих желтых монеток были не просто несколькими годами безбедной жизни, а шансом. Надеждой вырваться из болот. Мечтой. А ради мечты Шемяка был готов на очень многое... почти на все.

Черт, но что, что эти двое могут затевать такого, для чего им нужен «горелый» следопыт?! Причем нужен настолько, что ему одному готовы платить, как взводу дорожной стражи, – а ведь девка сказала «вперед», значит, двадцать это еще не все, а половина, не больше!

Вот и думай, называется, голова, – шапку куплю! Чего лучше – пройти мимо и потом жалеть, локти грызть всю оставшуюся, сколько ее не отмерено, жизнь? Или заглотить кус вместе с крючком – да ведь как бы не пришлось раскаяться еще быстрее, что решил связаться с этой бешеной и ее цепным псином.

– Хорошо, – девка не смогла, а вернее, не захотела сдержать победной усмешки: мол, выкобенивался, строил тут из себя волчару, а как монетой поманили, тут же хвост калачиком. – Иди за нами.

«Эх, врезать бы ей, – со злостью подумал Шемяка. – Прикладом, с полузамаха, ну или хотя бы просто кулаком – рука уже сама собой сжалась – по улыбке этой. Ударить так, чтобы эти яркие, чуть пухлые губы лопнули, будто спелые вишни. Раскомандовалась».

«Спокойно, – произнес у него в голове кто-то словно бы со стороны – холодный, рас- судительно-размеренный голос. – Сам-то не бесись. Во-первых, врезать ей ты, если что, еще успеешь, а во-вторых... еще неизвестно, кто из вас двоих кому чего разобьет. Девка, может, и сумасшедшая, но при этом совершенно точно – не простая штучка».

– Куда идти, ты сказала? – переспросил он.

Подколка была примитивная, и, конечно же, разноцветноглазая не купилась.

– Следом.

ЧЕРНЫЙ ОХОТНИК

Бывает обычная ложь, большая ложь, статистика и еще рассказы о том, что люди умеют правильно готовить украинский борщ, – в истинности данной сентенции Старика Швейцарца убеждался множество раз.

Казалось бы, чего может быть сложного в том, чтобы набрать по не столь уж длинному списку продукты в требуемом рецептом количестве, нарезать, смешать и подержать на огне. Проще вроде бы некуда, а вот... у одних – очень немногих – получается, а у остальных... похоже, но нет того, настоящего, вкуса, навар пожиже, да и цвет на долю оттенка, однако ж, неправильный.

Сам Швейцарец, к своему искреннему сожалению, также не освоил эту науку. Может, сказался недостаток практики – если патронов для обучения воспитанника Старик не жалел никогда, то в отношении «безнадежно испорченных», по его мнению, продуктов подобная рас- точительность была недопустима.

– Ты, что ли, Черный Охотник?

Сидевший за столом Швейцарец опустил исходившую ароматным парком ложку обратно в борщ, поднял голову и с легким интересом взглянул на человека, подошедшего к столу.

Глядел он, впрочем, не больше секунды, после чего вновь вернулся к тарелке и улыбнулся сметанным разводам.

Вряд ли его незванный гость допускал и тень мысли, что вид почти двухметрового мужика в вороненой, мелкого плетения, кольчуге, мечом-полторашкой на поясе, карабином на одном плече и арбалетом на другом способен вызвать у кого-то иные эмоции, кроме почтительного страха, – даже если забыть на миг о сверкающем символе поперек накидки. Но Швейцарец не собирался – мысленно, разумеется – именовать человека, «украсившего» свой арбалет множе- ством стальных зубцов, иначе чем «клоун», и аляповатая вышивка лишь добавляла ему убеж- денности в собственной правоте.

– Ты – Черный Охотник.

Эта фраза прозвучала тише предыдущей и была скорее не вопросом, а утверждением.

Швейцарец, с видимым сожалением отложив ложку, взял взамен лежавшую рядом с тарелкой четверть ржаного хлеба и принялся старательно натирать ее корку чесночной доль- кой.

– Некоторые называют меня и так.

– Есть работа для тебя.

– Обед, – лаконично отозвался Швейцарец.

Это позволило ему спокойно прожевать хлеб – в то время как его собеседник куда менее успешно пытался проделать ту же операцию над полученным ответом.

– Что?

– Обед – это когда едят, – без тени иронии в голосе пояснил Швейцарец и, дождавшись, пока стоящий перед ним начнет открывать рот, добавил: – Когда я ем, то не работаю.

«Кажется, у товарища возникли серьезные затруднения, – мысленно констатировал он, склоняясь над тарелкой. – Будь на моем месте кто другой, последовал бы удар, точнее, попытка удара по лицу, но со мной бедолаге приходится *думать*, пытаться понять, издеваюсь я над ним или нет, а подобная классификация, весьма похоже, находится за пределами его умственных способностей. А ведь не из простых воинов, под руническими молниями еще какая-то хрень нашита – треугольник с полоской? Оберштурмбаннсотник какой-нибудь. Смешно... если бы еще этот клоун дал мне спокойно доесть борщ».

Швейцарец не то чтобы относился к поглощению пищи с каким-то особым пиететом – он просто старался *все* делать с максимально возможным в данных условиях качеством, а применительно к еде это значило: есть не торопясь, тщательно пережевывая и не отвлекаясь при этом на сторонние помехи.

– Тебя хотят видеть важные люди по важному делу.

Срочно. Так. Товарищ клоун, видимо, решил отложить мыслительный процесс до более удачных времен и вернулся к выполнению первоначальной задачи.

– Я знаю.

Еще три... о, даже четыре отыгранные ложки борща.

– Что ты знаешь?! – на сей раз говоривший даже и не пытался скрыть растерянность.

– Я знаю, – спокойно сказал Швейцарец, – что офицер Ордена не станет беспокоить меня во время обеда по личной инициативе. Он может решиться на это лишь по приказу высшего командования. Так же я знаю, что иерархи Храма не захотят поручать мне охоту на мух в казарменных сортирах.

«А если ты и дальше будешь мешать мне есть, – мысленно закончил он, – то я перестану считать тебя и твой Храм забавными. В очередной раз признав правоту Старика».

Старик храмовников не любил и на периодические шутки Швейцарца насчет «помеси „Легенды об Айвенго“, кендо, ушу, эсэс, бусидо, толики китайской философии, пары дурацких религиозных, и не только, идей и большого количества казармы, мрачнел, а порой и огрызался. Помесь, впрочем, и в самом деле была на удивление жизнеспособна, росла вверх, вглубь ивширь, давала побеги и плоды... кровавые по большей части – но заставить себя воспринять всерьез организацию, пророчествующую, помимо остального, скорый конец огнестрельного оружия, Швейцарец не мог. Да, конечно, какое-то рациональное зерно в их бреднях есть, усмехался он – рано или поздно даже кажущиеся нам сейчас бесконечными запасы советских патронов исчерпаются. Хотя, Старик, ты сам говорил, что даже с учетом „протухания“ по срокам хранения нашим жалким ошметкам человечества этих мобзапасов для Большой Войны хватит еще не на один десяток лет перестрелок... с мутировавшим зверьем. Допустим. Что, хочешь сказать, проклятый огнестрел на этом закончится? Позволь не поверить – если уже сейчас народец кое-где с достойным лучшим применением упорством пытается сварить бездымный порох или хотя бы динамит, то уж секрет черного пороха они точно не потеряют. А все эти катаны и обезьяньи ужимки стиля „Поддатого журавля“ по-прежнему будут ничем против тогдашнего полковника Кольта. Так что не майся, Старик, если уж дело твоей жизни не угробилось в ядерном катаклизме, то горсти фанатиков оно и подавно не по замаху... особенно с учетом того факта, что сами эти фанатики на практике с удовольствием пользуют для вразумления вероотступников даже бронетехнику.

– Дело не терпит отлагательств.

– Русский царь удит рыбу.

Реакции храмовника на эту фразу Швейцарец ждал с немалым интересом – и ошалелая рожа десятника его вполне удовлетворила.

– Чего? Какая рыба?

– Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать.

Эсэсовец молчал.

Швейцарец с трудом удержался от искушения дохлебать остаток борща нарочито медленно. Все хорошо в меру – во-первых, и незачем давать слишком много воли эмоциям – во-вторых. Металлоломщик намек понял. Хозяин трактира, судя по тому, с какой перекошенной страхом рожей он ставил на стол компот, – тоже. Здесь, в этом городе, храмовники не были полновластными хозяевами, как в двух, а если поверить слухам, то уже в четырех соседних районах. Пока еще не были. Но, похоже, это «пока еще» казалось местным весьма шатким.

– Спасибо за обед.

– П-приятного аппетита.

САШКА

– Она не сумасшедшая, – сказала Эмма, – нет, Алекс, вы не правы. Просто там, откуда они с Энрико вырвались, все люди... как бы это сказать... крейзи... странные, так, наверное, будет правильно. Слегка испорчены.

– Да уж, – глухо звякнул Макс, – слегка. Так «слегка», что непонятно, куда уж дальше.

– По крайней мере, – возразила Эмма, – они вытащили нас из этого ужасного места, и мы должны быть им благодарны хотя бы за это.

Рассказать об этом «ужасном месте» толком они не смогли. Или не захотели. Где-то на Востоке, недалеко от бывшей китайской границы... то ли сектантский монастырь, то ли просто какая-то крупная и хорошо дисциплинированная ватага, вроде наших кланов. Но сплошь из психов. Каким-то образом это все было связано с теми саблями, которые висели на спинах у парочки. По крайней мере, в ответ на мои вопросы Макс буркнул: спроси у этих... катан. А Эмма вздрогнула и отодвинулась на пару сантиметров от рукояти над плечом своей хозяйки.

Что Макс имел в виду, я не понял. Разговаривать примитивные железки, разумеется, не могли. С тем же успехом я мог бы попробовать завести беседу с собственным штык-ножом, если б не избавился от него в первый послевоенный год.

Аналогичным – то есть нулевым – успехом завершились также мои попытки узнать хоть что-нибудь о миссии, ради которой хозяйка Эммы поманила меня и Сергея столь невероятным авансом. Впрочем, тут я был готов почти поверить Эмме, когда она сказала, что и они с Максом практически незнакомы с планами хозяев. Взаимное доверие, не говоря о прочих чувствах, нарабатывается далеко не сразу, а две недели – ничтожно малый срок даже для людей, что уж говорить про нас. Бывают исключения – вернее, говорят, что бывают исключения, – когда человек и оружие, едва соприкоснувшись в первый раз, понимают: они подходят друг другу, словно патрон «родному» стволу. Но сам я подобного чувства не испытывал ни разу, каждого нового хозяина оценивая долго и скрупулезно. Верить же всему, что говорят, особенно пулеметы... ну, эти сказочники могут много звеньев от ленты на ствол навешать, дай им только возможность. Маслом их не заправляй, но позволь поговорить.

«Кстати, – подумал я... – кэ-эс-тати... пулеметы, охотничьи ружья да и, чего греха таить, многие из моих сородичей склонны к преувеличению, пересказу малодостоверных фактов, а то и просто слухов. Но не к прямой лжи. И если мои новые знакомые не врут как люди – а представить себе подобное я не мог чисто физически – и они в самом деле обзавелись новыми хозяевами всего две недели назад... один данный факт уже может послужить мне пищей для весьма занятных размышлений.

Парочка, мягко говоря, не стеснена в средствах. За двадцать золотых можно позволить себе не просто богатый выбор – эксклюзив, работу лучших мастеров, совершенство в металле. И если Эмму я еще мог бы счесть таковым без особой натяжки – хотя полную уверенность в качестве ее переделки под родной для меня пять-сорок пять могла дать лишь проверка боем, – то Макса весьма затруднительно было счесть шедевром, как ни прикладывайся. Может,

конечно, за его непритязательным видом таятся какие-то скрытые достоинства, однако пока что я видел в нем всего лишь обычный «АКМС». Простой, надежный, выдавший виды, но при этом порядком изношенный ствол, разболтанная крышка ствольной коробки, а уж про узел крепления приклада можно сказать мало чего хорошего. Впрочем, складной приклад у предков изначально не самый удачный, то ли дело моя треугольная рамочка.

Нет, на шедевр Макс не тянет точно. Уж потрескавшееся-то цевье заменить можно даже у самого полного скрытых достоинств автомата. Такого берут на важное дело в тех случаях, когда предпочитают родной, проверенный и привычный руке ствол...

...или когда в дичайшей спешке хватают из «пирамиды» первый попавшийся.

И как это все завязано на эти... сабли типа катана?

Стоп, – скомандовал я сам себе, – прекратить пальбу впустую! Начнем сначала...»

– Это здесь, – сказала Эмма.

– Это – что? – не понял я.

– Здесь они остановились, в доме, к которому мы подходим.

– Хм.

Серая пятиэтажка из панельных плит – довоенная, понятное дело, постройка. Причем хорошо довоенная – с виду домику лет сорок, не меньше. Ох, как бы у него перекрытия не того... этого самого. А то, вон, пара балконов уже вниз осыпалась, и еще три-четыре перекошены так, что в любую минуту могут...

Кроме балконов, дом ничем особым не выделялся – если не считать дыру в крыше, из которой, белея позвонками, свисала голова крылоящера. Тоже, в общем-то, показатель – крылоящеры мигрируют ранней весной, и если за прошедшие месяцы обитатели дома так и не собрались ликвидировать последствия «подвига Гастелло», значит, сохранность жилища их волнует слабо, с соответственными последствиями для этой самой сохранности жилища. Шкорика на них нет – гремечинский обер-бургомистр за нерадивый уход за городским имуществом запросто может к стенке этого самого имущества прислонить – и проследить, как скоро новый домоуправ смочет с нее ошметки мозгов своего предшественника.

Впрочем, обер-бургомистр и в других отношениях душка-лапочка. Как учено выражается один из Шемякиных друзей: у них в Гремечинске даже не военный коммунизм с фашизмом в напололаме, а просто полный Шварц. И добавляет: помяните мое слово, еще пару лет, и он объявит себя Победителем Дракона.

СЕРГЕЙ

Стул в комнате был один – деревянный, с давно уже стершейся почти везде лакировкой и скрипящий так, словно именно этого движения, рискнувшего взгромоздиться на его сиденье, он и ждал, чтобы окончательно развалиться грудой щепок. В любой другой обстановке Шемяка, не задумываясь, предпочел бы этой старой развалине куда более надежный пол, но здесь и сейчас даже эта старая растопка для печки была подлинным подарком судьбы.

Он утащил стул в дальний от кровати угол и сел – вроде бы небрежно, полуразвалившись, нога на ногу. Реально же ему теперь нужно было сделать всего одно незаметное движение, чтобы автоматный ремень окончательно соскользнул с плеча – и Сашкина рукоятка привычно ткнулась в подставленную ладонь. Предохранитель Айсман, улучив момент, перевел, еще пока шли по базару, и тогда же дослал патрон.

Скуластый Энрико, похоже, его намеренья прочел, особого ума тут и не требовалось, но все равно аккуратно поставил автомат и меч туда же, куда и его напарница, – в угол комнаты. То ли дружелюбность демонстрировал – ага, щаз-з-з, дожدهшься от этого собака дружелюбности, болотный тигр прежде на луну выть научится! – то ли самоуверенность. Что именно –

Сергею было, по правде говоря, плевать, потому как сам он также был кое в чем уверен. А именно – что «в случае чего» успеет вскинуть Сашку и одной очередью скосить эту непонятную парочку, которой он пока что не доверял даже на довоенный медяк достоинством в одну коп. И оставшегося стоять у двери Энрико, и Анну, прямо в сапогах взобравшуюся на жалобно скрипнувшую кровать и по-турецки усевшуюся на хорошем довоенном пледе, – словам «культурное поведение» девочку, похоже, в детстве не доучили.

– Чай будешь?

– Нет, спасибо.

Еще чего не хватало – пить из их рук!

– Ну, а я хочу, – Анна дернула плечом. – Замерзла, пока ходили по этому вашему мандавошному рынчику. Рик, дай куртку и завари свежий!

– Замерзла? – недоверчиво переспросил Шемяка.

– Околела. Пока на солнце стоишь – нормально все, даже припекает, а как шагнешь в тень, сразу ветер ледяной. А что?

– Ничего, в общем-то.

– Если ничего, – девушка наклонила голову, – тогда какого скалозуба ты на меня пялишься, рот разинув? Слюни-то хоть подбери.

– Я не на тебя, – с легкой обидой возразил Айсман, – на куртку.

Куртка и в самом деле была примечательной во многих смыслах данного слова – Шемяка самокритично признал, что найди он на базаре свою утреннюю мечту, то и выделанная барма-глотка навряд ли бы выглядела и вполнину так же здорово.

Один материал чего стоил – кожа, но при этом блестит, словно лакированная. Такое, по слухам, умели делать лишь до войны, хитрой химией, но тут-то явный новодел! Ну и остальное: «чешуйчатые» наплечники вороненой стали, пуговицы в виде черепов... даже шеврончик с серебряными молниями. Просто чудо, а не куртка, и совершенно непонятно – а где-то даже и обидно! – что тетка Фортуна подкинула это чудо девке, которая и без всякой одежды внешними достоинствами вовсе не обделена. Зачем? Ей и так – улыбнуться и пальчиком поманить... а вот надеть такую шмотку простому пареньку да пройтись вечером воскресенья, когда на площади электричество на фонари дают... медленно так, неторопливо, подняв воротник... в штабеля б девчонки складывались, вдоль всей мостовой.

Анна скривилась.

– Я эту... – дальше последовало какое-то незнакомое Сергею слово, смысл которого, впрочем, был весьма прозрачен, – как только в поезд сели, в окно хотела вышвырнуть! Рик отговорил. Пока найдешь хорошего Мастера, пока он приличную боевую куртку сошьет... время и деньги... со вторым у нас не очень, первого нет совсем. А то, – с неожиданной злостью выдохнула она, – что меня тошнит от этой поганой формы, это мелочи, делу мешать не должны!

– Да ладно, чего ты так, – смущенно пробормотал Айсман, – сразу. Я ведь ничего и не говорю. Ну, куртка... по-моему, тебе даже идет.

– Идет, – разноцветноглазая скривилась еще больше. – Идет по лесу идиот! Ты еще попробуй вякнуть, что блондинкам черный цвет к лицу! Может, мне еще фуражку нахлобучить – где-то в сумках валяется, тоже Рик выбросить не дал!

Забавно, но сейчас Анна казалась Шемяке ближе и понятней, чем несколько минут назад, на базаре. Естественней – обычная злющая девка, а не черт-те что с манерами казачьего есаула.

«А ведь это из-за ухода скуластого, – понял вдруг Сергей, – верного собака Рика-Энрике. Им она командует, и ей это в глубине души нравится, такой вот хищный, лисий прищур не подделаешь. Только постоянно держать поводья натянутыми надоедает, хочется бросить их и хоть недолго поваляться в траве на залитой солнцем поляне – но если собак почувствует эту слабинку...»

– Чай готов.

Энрико выглядел точно подавальщик в какой-нибудь... чайхане – фарфоровые пиалы на расписном подносе, чайничек. И полусогнутая спина – при том, что привычный к тасканию броняшки позвоночник запросто не изогнуть.

«Хрень какая-то выходит, – зачем-то старательно внюхиваясь в запах свежесваренного чая, подумал Айсман. – Вот уж не знал, что на Востоке эдакие психи водятся – как-то само собой считалось, что уж по части разнообразности вывернутых наизнанку мозгов с нами разве что болотники могут потягаться. Ну и мутанты... если б кто-нибудь мог точно сказать, чего у них творится на самом деле».

– Я рад за чай, – насмешливо заявил он вслух. – А как насчет пивка?

ШВЕЙЦАРЕЦ

Крепость храмовников Швейцарцу не понравилась.

Слишком уж хорошо для полоумных сектантов было это все организовано. Грамотно. Умело. Продуманно. Не привычный четырехугольник стен, даже бетонных, а выступы фортов... вон та заботливо укрытая землей штуковина-капонирина, скорее всего, фланкирует ров... перед воротами, по сторонам от дороги два вкопанных по башни танка... а вон и еще один. Забавно будет, если к ним тоннельчики подведены, а ведь похоже – люки задраены, только в разгар летнего дня выжить в бронированной коробке невозможно принципиально, даже для такой безмозглой формы жизни, как сектанты. А сами ворота... в первый момент Швейцарец не сообразил, в чем дело, и, лишь почти вплотную подъехав к перекинутой через ров металлической плите, понял, вернее, узнал – бронетранспортер! Бэтээр они «освеживали», а затем вновь сварили по стыкам – и вуаля. Даже с бойницами возиться не надо, готовые имеются. И мотор без дела не пропал – вот он, сбоку, на случай, если лишние секунды окажутся дороже топлива.

Крепость. И не против зверья или даже лесных банд – тут без серьезной артиллерии можно долго башку в кровь расшибать.

«Пожалуй, – подумал Швейцарец, – тот, кто проектировал данное сооружение, мог бы назвать и звание Вобана² и даже должность Карно в Комитете общественного спасения.»

И ведь снаружи были только цветочки. Ягодки прятались внутри, за серым бетоном стен, выглядывая лишь сверкающей золотом окантовкой загнутых крыш. Загнутых – потому что крыши принадлежали пагоде. Небольшой, однако вполне себе трехэтажной, в японском стиле – елочная игрушка, волшебный деревянный домик, только курьих ножек не видать. Чем-то похожа... ну да, похожа на донжон замка Окаяма. «Надо полагать, – подумал Швейцарец, – это, собственно, и есть Храм. Материальное воплощение идеи... так сказать. Неплохую конуру отстроил себе Основатель, и неудивительно, что сейчас, если верить слухам, он сидит в ней практически безвылазно – имей я возможность нагромоздить что-нибудь аналогичное, тоже бы шаг за порог ступить боялся, а ну как возьмут и сопрут?»

Протянувшаяся же к пагоде от ворот аккуратная дорога пересекала внутреннее пространство крепости словно бы на два совершенно разных мира, общим у которых было разве что солнце в зените. Справа – утопанный до каменной твердости плац и три одинаково-безликие покатые коробки то ли казарм, то ли складов и гаражей. А слева на зеленой лужайке прихотливо выгибались в столетнем танце узловатые сосны. Рай и присподняя на отдельно взятых

² Себастьян Ле Претр де Вобан (1633—1707) – один из выдающихся деятелей в области военно-инженерного искусства, с 1703-го маршал Франции. Лазарь Карно (1753—1823) – известный инженер-фортификатор (а также математик и астроном), автор труда «Об обороне крепостей». Во время Французской революции отвечал в Комитете общественного спасения за военные дела (включая производство оружия и снаряжения).

десятинах – марширующие под барабанную дробь и хриплые вопли грешники на плацу имеют очень наглядный стимул сгонять с себя семь потов.

Контраст был ошеломляющий, и если неведомый проектировщик желал, чтобы впервые попавший за броневорота гость Храма чувствовал себя ушибленным пыльным мешком по макушке – что ж, где бы он сейчас ни пребывал, пусть принимает поздравления.

Но добила Швейцарца именно дорожка. Он меньше удивился б, окажись она асфальтовой, но дорога была мощеной, только не примитивными речными булыганами, а тесаным камнем. Очень старательно подогнанным. По сравнению с которой даже бордюры из бетонных столбов выглядели так себе.

Старик был прав, бормотал себе под нос Швейцарец, подрабатывая рулем, – проскочив едва ли не на полном ходу ворота, «уазик» эсэсовца резко сбавил скорость, и теперь Швейцарцу удавалось сохранить тяжеленный чоппер в равновесии лишь на зигзаге – он даже и не представляет, насколько он был прав. Бешеный буйвол их забодай, кто, какой джинн это все построил?! Какой старик Хоботабыч расстался с половиной своей бороды? Пять лет назад ничего этого не было и в помине... да что там пять, два года назад, когда Швейцарец гонялся по соседнему району за ватагой рябого Димыча, среди местных бродили только малосвязные слухи о каком-то затеянном храмовниками строительстве.

Бетона одного тут ушло... впрочем, бетон-то ладно – нашли какой-нибудь склад стройуправления главкомата. Но эти камни... эти, ядерный прах их побери, японские горные сосны! Как?! Откуда?! На амурском прогулочном теплоходике сплавали на остров Асахи и остров Фудзи?

Он был не на шутку удивлен и встревожен увиденным, но когда их маленький кортеж остановился у подножия храмовой лестницы, выскочивший из «уазика» и с нетерпением ожидавший, пока гость снимет свой шлем, штурмдесятник Храма со злостью констатировал: вся мощь и великолепие Первого Чуда Света Нового Мира не произвели на чертова еретика ровно никакого впечатления. На высящуюся перед ним пагоду Швейцарец смотрел с тем же холодным равнодушием, что и на тарелку борща пять часов назад.

Схожие со штурмдесятником чувства испытал и один из находящихся в пагоде людей – лицо знаменитого Черного Охотника он разглядывал в двадцатикратный бинокль.

– Даже бровью не повел, – раздраженно произнес он, опуская бинокль.

– А ты ждал, он слюни от восторга будет на дорожку ронять? – ехидно поинтересовались из глубины комнаты. – На манер деревенских олухов, что и в довоенные времена раз в год на здание райкома партии глазеть отпраплялись?

– Вот не надо! – резко произнес стоявший у окна. – Не надо этого. Не такими уж дикарями мы тут до войны были. В столицах, может, и ахали... на ВДНХ или, там, в Петрогофе...

– В Петрогофе, – с усмешкой поправил его собеседник, – и других Версалях. Довелось мне как-то одну поездочку ваших ударников колхозного труда курировать... епить-мать, перед неграми в отеле стыдно было.

– Вот из-за таких, как ты, Дягилев...

– Остынь!

Приказ, отданный вроде бы и не столь уж громко, был из тех, в звуках которых без труда слышится лязг металла... автоматного затвора. А порой даже и грохот выстрела.

– Нету больше ни Дягилева, – уже более спокойно продолжил полулежащий на диване толстяк в желто-красном шелковом халате, – ни Шитова. Есть только иерарх Дяо и иерарх Шио. Также есть дело, которое нам необходимо сделать совместными, подчеркиваю, совместными усилиями, потому что поодиночке не потянем. А если не потянем, сам понимаешь, штандартентысячник Шио: Орден, это тебе не какой-то там комсомол и даже не Слава КПСС. Персональными пенсиями для проигравших в нем еще лет сто никто заморачиваться не будет, поверь моему чутью.

– Да уж догадываюсь, – Шио резким движением захлопнул ставни. – Не глупей тебя.
– А если не глупей, почему ты все еще штандартен, а я уже обер? – парировал толстяк. – Хоть и партстаж, пардон, орденская выслуга у тебя почти на два года больше? Скажешь, не везло, скажешь, случая не было, не представилось?

– Не скажу.

– И правильно не скажешь, – кивнул Дяо. – Умный человек, как в песне поется, на везение не упоает. Ненадежная эта штука, везение, что в горах, что в жизни. Лучше выгляни за дверь и прикажи, чтобы гостю нашему по карманам не хлопали и вообще не досаждали.

– А оружие?

– Оружие, дорогой мой штандартентысячник, – толстяк потянулся лениво, словно налакавшийся сметаны котище, – он не отдаст. Если я правильно понимаю, что представляет собой этот Черный Охотник, то на предложение отдать свои пушки он отреагирует просто: развернется и уйдет. И знаешь, Шио, я совсем не уверен, что кто-либо в этой фортеции сумеет преградить ему путь.

– Ты из него прямо чудо-богатыря какого-то лепишь, – недоверчиво произнес тысячник. – Этого... как их... ниндзю! Сам же рассказывал: парень одними пукалками привык работать, без них он ноль. А пукалок ему и на взвод не хватит. Патроны ек!

– Шио, Шио, – иерарх укоризненно качнул подбородком. – Уж поверь мне, к моменту, когда его собственные, как ты выразился, патроны ек, ни в амуниции, ни в стволах для нее этот человек испытывать нужды не будет. Даже если хотя бы половина слухов о нем имеет что-то общее с реальностью. А скажу тебе по большому секрету, из нескольких рапортов моих людей, личных таких людишек, можно сделать вывод, что слухи эти если и лгут, то в сторону преуменьшения.

Пожав плечами, Шио направился к двери, но, не дойдя пару шагов, вновь развернулся к толстяку.

– Тогда, – сказал он, – я тем более не понимаю. Если он и впрямь настолько опасен, зачем тянуть его в дело? Лишний геморрой для головы?

– Хороший меч должен быть острым, – наставительно произнес обертысячник.

Ответную фразу Шио толстяк не услышал – тот пробормотал ее очень тихо, уже открывая дверь, так что слова «Хороший меч в первую очередь должен быть послушным хозяину» были заглушены лязгом замка.

САШКА

– Если твой хозяин согласится, – прошипел из угла Макс, – значит, он дурак.

– Ты-то что понимаешь в болотах? – огрызнулся я.

– В болотах – ничего! – «АКМС» едва заметно качнул мушкой. – Я зато в людях разбираюсь... да, побольше твоего! Мне, знаешь ли... тебя, сопляка, еще ни в каких проектах не было, когда на мне пятый призыв сборку-разборку на секундомер тренировал. И повидал я...

– Крышу склада армейского резерва ты повидал, – перебил я его. – Сквозь щель в ящике и слой консервационной смазки!

Точно знать подобные детали Максовой биографии я, разумеется, не мог, бил наугад, но логика подсказывала, что, прослужив старый задавака непрерывно с момента выпуска, быть бы ему сейчас ржавой трухой. По крайней мере, уж куда более разболтанным, чем выглядит.

– Я...

– Помолчи, Макс.

Будь Макс человеком, я бы сказал, что он в ответ наградил Эмму очень обиженным взглядом.

– Не мешай ему, – черная винтовка слегка повела магазином. – Разве не видишь? Он думает...

В этом она была права на все сто три процента, хуже было другое – чем больше я думал, тем больше я переставал понимать происходящее.

Двадцать золотых. Чертовски большие деньги. По здешним меркам, так просто состояние – приисков и россыпей тут не было и не предвидится. Разве что счесть таковым призрачный шанс наткнуться в одном из скелетов – городов-руин – на сейф Ювелирторга, но мечтающие о подобном олухи куда чаще находят ЗКЗ³, тараканью стаю или крысиную чуму.

За такую плату и требовать должны соответственно: помочь перестрелять все кланы, сходить в рейд к Каспийскому океану... достать луну с неба и нарезать ее мелкими ломтиками для бутербродов. А показать дорогу до Большого Острова, не провести, заметьте, оберегая от тысячи и одной болотной напасти, просто показать... или у парочки карманы просто лопаются от золота и они его чуть ли не горстями готовы направо и налево расшвыривать, лишь бы с собой не тащить...

...или в этом предложении подвох размером с Уральские горы.

...или...

И тут до меня дошло.

Они бегут! Удирают, сломя голову, загнанно хрипя и боясь оглянуться назад. И не разбирая дороги. Лишь бы только оставить между собой и тем – за спиной! – как можно большее расстояние.

Все сразу встало на свои места – и лихорадочная двухнедельная гонка через всю Сибирь, и соседство Эммы с Максом, и немислимо щедрая плата. Легло ровно, как патроны в магазин.

Кроме одного, сообразил я, торчащего не то чтобы поперек остальных, но всерьез выбивающегося из общего ряда, грозя моей новорожденной теории клином подачи.

Почему именно Большой Остров?

Ответов на этот вопрос сам же я мог бы с ходу напридумывать великое множество. Например, так им посоветовал кто-то на Востоке, еще до бегства. Или уже здесь – они в городе со вчерашнего дня минимум и вряд ли за все это время разговаривали с одним только скупщиком. А может, им просто название понравилось. Брякнул же однажды Сапер, что «багровые лужи» – звучит чертовски романтично... в качестве именованья для полусотни гектаров отравленного какой-то гадостью болота.

К сожалению, все мои ответы были плохи уже тем, что не нравились мне самому.

Спасаясь от кошмаро-страхо-ужаса, человек может голым и босым сигануть из окна и пробежать километров пять-десять. Но две недели в поезде – это, как ни крути, уйма свободного времени для размышлений, а наша парочка и на старте своего забега, похоже, была малость предусмотрительнее кабаньего стада.

Так почему же Большой Остров?

В поисках ответа я попытался суммировать все, что знал о данной географической достопримечательности. Вышло немного – тамошний скелет основательно излазили и распотрошили еще полулегендарные первые следопыты. «Полу» – потому что некоторых из них до сих пор можно лицезреть – кого в живом виде, а кого и мумией... светящейся по ночам.

Соответственно, к тому времени, как в промысел пришли мы с Айсманом, Большой Остров был уже мало кому интересен. Два раза мы на нем все же побывали, но и в первый, и во второй Остров требовался командирам рейд-группы лишь для организации промежуточной базы – разгонной ступени, как называл это Космонавт, который, правда, никаким космонавтом не был, просто служил до войны то ли в Плисецке, то ли даже на самом Байконуре. В глубь острова ради этого забираться резона не было. Последние года полтора Большой Остров и

³ ЗКЗ или ЗКРЗ – зона компактного радиоактивного заражения.

вовсе старались обходить стороной – он приглянулся сразу нескольким кланам, уже устроившим, если верить слухам, две-три войнушки по его разделу и переделу. «Механики Смерти», говорят, даже соорудили настоящий форт и пересидели в нем прошлую зиму, но в это я согласен был поверить не раньше, чем увижу их Бастилию сам, лично. Зимой и на побережье-то не сладко, а уж на болотах... это либо сидеть в воротах армейского склада и при этом уметь жать ногой на спуск второго пулемета – пока руки меняют перегретый ствол у первого. Либо родиться болотником.

Глава 4

*А после, слив бензин и запустив реактор,
Он быстро допахал гречиху и овес.
Поднялся в небо наш простой советский трактор
И улетел обратно в свой родной колхоз.*

ШЕМЯКА

– Знаешь, что я тебе скажу, – в последний момент Сергей сдержался и заменил «девочка моя» на «Анна Батьковна».

– Анна!

– Знаешь, что я тебе скажу, просто Анна. Чего-то ты темнишь. Слишком уж это заманчиво, чтобы на правду походить.

– Всю правду тебе знать вовсе не обязательно, – девушка отпила глоток и, не глядя, поставила пиалу обратно на поднос. – Меньше знаешь, лучше спишь! Твоя работа – довести нас до Большого Острова, а все прочее касается только меня и Рика.

– Может, у вас на Востоке, – отозвался Айсман, – и в самом деле хорошо спят самые незнающие, но здесь у нас дело обстоит совсем иначе. Чем больше знаешь, тем больше шансов лечь так, чтобы к утру от тебя не осталась груды обглоданных костей.

– Послушай, ты... – Анне совладать с эмоциями, судя по ее лицу, удалось ценой куда больших усилий, чем Сергею. – Ты не единственный следопыт в этом проклятом городе. И уж точно не единственный на всем здешнем Господом и сатаной проклятом побережье. Хоть ты, если верить рассказам, нам и подходишь более прочих, за двадцать золотых мы можем нанять целую команду проводников ничуть не хуже.

– Рейд-группу.

– Что?

– Команда следопытов, идущая в рейд по болотам, именуется рейд-группой, – пояснил Айсман. – Так принято говорить «на всем здешнем Господом и сатаной проклятом побережье». Анна фыркнула.

– Всю жизнь только это и мечтала узнать, – пропела она, насмешливо глядя в лицо следопыту. – Ночи напролет не могла заснуть, с боку на бок ворочалась и гадала: как вы называете себя каждый раз, когда лезете в ваши вонючие болота за очередной грудой ржавого железа.

– Что ж, – Шемяка пожал плечами. – Зато теперь можешь спать спокойно.

– Не смогу, – мотнула головой девушка. – Меня теперь будет мучить другая загадка.

– Какая же?

– Ты и вправду такой козел или зачем-то прикидываешься?

– Прикидывается, – уверенно проронил Энрико, прежде чем Сергей начал открывать рот для по-настоящему достойного ответа. – При этом наверняка еще и хохочет в глубине души над двумя дураками с Востока.

– Одним дураком, – с ухмылкой уточнил Шемяка. – Одним дураком и одной дурой. Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, давай, дорогой товарищ, договоримся на будущее, если оно у нас все-таки какое-то общее случится: когда я пожелаю узнать, что у меня в глубине души происходит, сам тебя об этом попрошу. Понял?

– Если мы не договоримся, – Энрике очень сосредоточенно глядел на зеленоватое пятно на обоях в полуметре над кроватью, – у нас может не оказаться будущего вовсе.

– Так...

Айсман посмотрел на то же пятно. Внимательно. Пятно было светло-зеленым, с чем-то вроде белой пены по краю, а формой напоминало погрызенный гусеницами дубовый лист.

– Так, – тихо повторил он. – Это что было? Намек?

– Нет.

Голос Анны прозвучал неожиданно устало – словно девушка всего секунду назад сбросила с плеч средних размеров гору.

– Когда Рик хочет кому-то на что-то намекнуть, он заканчивает фразу словами «это намек»!

– А что же это было тогда? Может... угроза?

– Это была завуалированная угроза. Ты знаешь, что такое «вуаль», а, следопыт?

– Тряпочка такая... – буркнул Шемяка. – С дырочками.

Он вдруг почти с ужасом подумал, что та очередь, к которой он был готов во время разговора... она бы решила проблему легко и просто. Двое приезжих издалека, не имеющие здесь даже случайных знакомых, – хватит их разве что хозяин этой квартиры и навряд ли раньше чем через пару дней.

Двадцать золотых монет. При том, что жизнь человека на побережье редко ценится дороже тех двух-трех пуль, которые тратятся на ее отнимание. И ему не раз уже приходилось убивать в расчете на куда меньшую прибыль. Те убитые, правда, сами были далеко не ангелами с небес – они лишь оказались менее проворными, не такими быстрыми... или просто неудачниками.

Эти двое тоже на ангелов не катят, а двадцать золотых – Сергей ни на миг не сомневался, что деньги есть, более того: был твердо убежден, что монеты защиты где-то в одежде Анны. Маленький такой столбик золотых чешуек... это вам не тридцать серебряников, за которые, как шуточно повторял Феликс, не то что бога для креста – хороших гвоздей для креста в базарный день не выторгуешь. Тогда серебро было не в цене, разве что посуду старались подбирать... а сейчас новенькие монетки с медведем на аверсе охотно берут в любой лавчонке.

Так легко и просто – вскинуть и полоснуть свинцовой плетью.

Он подумал об этом почти с ужасом – а в следующий миг уже без всякого «почти» с облегчением почувствовал, что автомат потянул плечо вниз, будто весь превратился в литую свинцовую чушку.

ГОСТЬ ХРАМА

«По рукам, по ногам, бей его тут и там, а-а-а потом с размаху прямо в зубы!»

Дурацкий детский стишок молнией полыхнул в голове Швейцарца в миг, когда они со штурмдесятником вышли из подъемной клетки – лестница, разумеется, тоже имелась, но долгожданного гостя решили вознести к высшим с помощью лифта – и он увидел двух вытянувшихся у двери эсэсовцев личной стражи иерархов.

Снизу все выглядело еще более-менее – советские офицерские сапоги, начищенные до зеркального блеска. Дальше шли поножи вороненой стали, черные брюки, ремень – по виду опять-таки армейский. Слева к ремням были пристегнуты ножны мечей, справа – ничуть не менее деревянные кобуры-приклады «АПС»⁴.

⁴ Автоматический пистолет Стечкина.

Выше уже начиналось подлинное произведение искусства – кожа с крыльев косматого нетопыря, в обиходе именуемого мешок зубов, пуговицы размером с довоенный пятак в виде стилизованных черепов. А венчал это сверкающее на манер елочной мишуры великолепие шлем, который Швейцарец при всем желании не мог классифицировать иначе чем кабуту.

Секунд пять Швейцарец, одновременно стараясь изгнать прочь чертов стишок, пытался припомнить, где и когда он мог видеть подобный же кошмарик. И он сумел: после короткого сопротивления память развернула перед ним мятый журнал из «заграничных» запасов Старика – не полувыцветшие «Guns», сквозь которые приходилось продираться с толстенным кирпичом англо-русского политехнического словаря наперевес, а раньше. Яркие, захватывающие дух картинки – комикс, так это называлось. Тот журнал был комиксом по фильму... какого-то американца с венгерской фамилией... Лукаш? И там главный злодей выглядел ну очень похоже.

Швейцарцу было бы очень смешно, если б не было так страшно.

Эти двое... вряд ли они толком знали историю тех, с кого скопировали детали униформы. Не до того было, особенно в первые послевоенные годы, когда у большинства переживших Судный день с трудом хватало сил выжить здесь и сейчас. Читать научились – и то хорошо, а то ведь кое-где и буквы пытались предать анафеме. Все равно... одна-две случайно пролистанных книги, вполуха слушаемые вечерние байки стариков о той, позапрошлой войне – кому она сейчас интересна?

Они не знают, сколько крови тянется за такими вот... черными мундирами.

Прав был Старик, ох и прав.

И где, спрашивается, для вас, бравы ребятушки, озеро найти? Большое, глубокое... и Чудское.

Дверь сама открылась навстречу Швейцарцу – точнее, ее распахнул человек неопределенно-сорокалетнего возраста. Его занятие можно было с легкостью определить по бесчисленным чернильным пятнам на ладонях, цвет которых в результате неплохо гармонировал с шелковой синевой халата.

– Штурмдесятник Танг? Иерархи уже ждут... вас, брат Черный Охотник. Вы, десятник, пока оставайтесь здесь.

– Я – сирота, – пробурчал Швейцарец.

– Все люди – братья по вере и крови, – заученно возразил человек. – Так учит Основатель. Проходите.

– Все люди – возможно, – Швейцарец шагнул через порог, и человек с неожиданным проворством захлопнул дверь, словно донельзя опасался чего-то или кого-то оставшегося снаружи, – а я – сирота.

Храмовник на несколько секунд застыл, а затем изобразил уголками рта бледное подобие улыбки.

– С печалью глубокой признаю, брат, хоть и крепка вера моя, но не даровано мне умение словом кротким вразумлять неведающих истины.

– Для этого у вас в родственниках есть штурмдесятник Танг. Он явно обладает выдающимися способностями к убеждению, не так ли?

Швейцарец почти настроился услышать в ответ пространное рассуждение о пастырях Господня стада и зубах их верных псов, но храмовник, видимо, счел его вопрос не нуждающимся в ответе.

– Иерархи ждут вас.

– А уборной тут нигде поблизости нет?

– Простите?

– Я пять часов не слезал с мотоцикла, – это было чистой водой, как родниковая вода, ложью, но единственный, кто был способен уличить в ней Швейцарца, только что остался за дверью,

а стрелку было крайне интересно пронаблюдать за реакцией храмовника на подобное требование.

Секунды две тот пребывал в явном замешательстве, но не дольше.

– Вы можете воспользоваться этим углом, – чернильная лапка легла на левое плечо Швейцарца. – Я отвернусь.

– А это не причинит вам неудобств?

– Ничего такого, что я не смог бы вытерпеть до прихода служки, – храмовник вновь изобразил «улыбку Офелии». – Дело Храма мы ставим превыше всего.

... в особенности превыше всяких задирающих лапу шавок, мысленно закончил его фразу Швейцарец.

Затеянная им игра была дурацкой и с высокой вероятностью удостоилась бы желчно-ядовитой характеристики у Старика. Однако Швейцарец был полон решимости довести ее до логического финала и сожалел лишь о том, что полнота решимости не коррелирует с полнотой мочевого пузыря.

«Гусарство, – нарочито долго возясь с пряжкой ремня, подумал он, – самое натуральное. Нет, даже не так – мальчишество. Раз не можем искупать коней в шампанском, то есть сжечь весь этот хренов Храм целиком... пока не можем... то хоть один уголок... продезинфицирую. Уж на сколько хватит».

Швейцарец не мог знать и порадоваться, что именно произведенное им действие и сбило с толку бывшего мэнэеса⁵ одного из красноярских НИИ, а ныне шарф-писаря Храма и личного секретаря иерарха Дяо. До последнего момента храмовник был убежден, что гость попросту издевается над ним, но мелодичное журчание всерьез поколебало эту уверенность. Так шутить со слугой Храма, по мнению секретаря, не мог позволить себе никто, будь он хоть трижды знаменитым охотником за головами. А значит, Черный Охотник, скорее всего, был столь же искренен, сколь и невозмутимо-серьезен.

Возможно, шарфписарь мог бы вернуться на свою первоначальную точку зрения, узнав подробности трактирного разговора между Швейцарцем и гонцом Храма. Но случиться это могло лишь за гранью вероятности – личный секретарь иерарха Дяо и личный адъютант иерарха Шио на дух не переносили друг друга.

САШКА

– Кой черт! – громко произнес Айсман и, не дожидаясь удивленных взглядов, быстро добавил: – Согласен я. Вы мне двадцать монет, я вам Большой Остров на блюдечке. По рукам.

Все произошло очень быстро и очень просто. Вскинуться, плюнуть короткой, на пять-шесть выстрелов очередью – благо обе мишени находились практически на одной линии, – а больше ничего и не потребовалось.

Эти наши новые... подопечные – настоящие идиоты. Они даже и ртов поразевать не успели, когда оконное стекло вдруг разлетелось на тысячу солнечных клинков и в комнату с разгону влетели две косматые туши... с двухствольными обрезамы в руках. Не окажись мы с Шемякой при этом сбоку-сзади бандитов, и парой секунд позже хозяева Эммы и Макса напоминали б дырявое решето.

Все произошло очень быстро, и последние осколки стекла, звеня, разбрызгались о пол почти в такт со звоном моих гильз. Еще мгновением позже к ним присоединился один из обрезов – будь я человеком, непременно сжался бы в ожидании грохочущего дуплета и после-

⁵ МНС – младший научный сотрудник

дующего бешеного визга картечин. Второй обрез продолжал цепляться за холодеющую руку хозяина.

Только теперь опомнившийся Энрико взмахнул рукой – короткий взблеск, шуршание рассеяемого воздуха и глухой стук. Обвисший на веревке трупак от удара развернуло боком, и я смог разглядеть, что диск – не нож, как я сначала решил, а именно какая-то круглая зубчатая штукавина типа шестерни – вошел в грудь примерно наполовину, наверняка перерубив при этом одно, а то и два ребра. Силен, силен... только зачем, спрашивается? Чтобы мертвее мертвого было? Даже слепой и то мог бы понять, что после меня никакой правки уже не требовалось.

Мы с Сергеем тем временем осторожно, вжимаясь в стену, подобралась к окну, выглянули – улицу будто вымело солнечными лучами, даже кур не видать, а когда мы шли сюда, у плетня напротив копошилось десятка два. Зато псы залаяли, но здорового энтузиазма в этом брехе не ощущалось: средний темп был где-то десять гавков в минуту с тенденцией к снижению.

Нас, понятное дело, волновали не собаки – хотя от них тоже могла воспоследовать какая-никакая польза – а возможные подельники свежееупокоенных циркачей. Собратья по трупке... и хорошо, если с ружьишками, а вдруг какой-нибудь жонглер пристроился аккурат под окном, зажав в потной лапе эфку с уже выдернутой чекой? Полкило сталистого чугуна в виде осколков – и ты в этой комнатухе хоть на люстре в позу утробыша свернись, все равно из зоны гарантированного поражения не выскочишь.

Присев, Шемяка аккуратно поднял самый крупный из ближайших «языков» разбитого стекла, перенес его через подоконник – и отпустил. Мигом позже снизу донесся «бдзинь». Вскрика, мата или иной реакции за «бдзинь» не последовало, что не могло не обнадеживать. Быть может, влетевшие к нам бандюки были ничуть не меньшими идиотами, чем наши... наниматели. Решившись, мы с Айсманом быстро выглянули наружу. Никого. И наверху, откуда тянутся веревки, тоже ничья башка не маячит. Выходит... с трудом, конечно, верится в подобное счастье, но, похоже, акробаты и в самом деле работали парой.

– Что дальше?

Эмма и ее хозяйка задали этот вопрос почти одновременно. Хотя мне показалось, Эмма успела раньше.

– Ждать, – ответил Сергей. Коротко и по существу, так что, подумав, я решил ничего не добавлять к его ответу.

– Ждать чего?

Ах, ну да, они же в наших реалиях ни бельмеса.

– Полицаев, – Шемяка задумчиво покосился на ближайший труп. – Кто-нибудь им наверняка уже отрезвонил. Не по телефону – их на весь городишко не больше полсотни, – так по проволоке.

– Что есть проволока? – этот вопрос задала только Эмма.

– Ну, проволока, – в стволе у меня еще ощутимо тянуло порохом, а этот пьянящий аромат, как общеизвестно, далеко не лучший друг логики. – Ти-ти-та-та-ти-ти. Что, там, откуда вы приехали, нет проволоки?

– Там, откуда мы приехали, проволокой называют металлическую нить, а не какое-то «ти-ти-ла-ла-ла».

– Я понял, – неожиданно выручил меня Макс. – Похоже, он имеет в виду нечто вроде телеграфа.

– Нуда, – обрадованно кивнул я. – Выбиваешь на пимпочке ти-ти-ти, та-та-та и еще раз ти-ти-ти, и вскоре на горизонте рисуются полицаи.

– Вскоре – это как долго?

– Долго ждать?

– Пять минут, если конные, – вновь ответил за меня Сергей на синхронный женский вопрос. – Двадцать, если потопают на своих двоих.

– А потом?

– Суп с котом, – Шемяка плюхнулся обратно на стул и начал хлопать себя по карманам – впрочем, все равно найдя им же переложенный кисет прежде, чем я собрался ему подсказать.

– Что может быть потом? Допрос снимут, жмуров уволочут. Если повезет договориться, – хрустя бумагой, добавил Сергей, – может, оставят ихние пушки – будет хоть чем за стекло рассчитаться.

Он щелкнул зажигалкой, затянулся. Анна наблюдала за ним с явным неодобрением, это даже я видел. Правда, не мог пока определить: недовольна ли она Шемякиным бездействием – хотя чего тут еще сделаешь? Жмуров разве что обыскать? Так ведь вряд ли они к нам ломанулись с полными карманами монет, а ради пригоршни патронов... лучше не лезть, а то еще полицаи заподозрят чего и начнут вместо допроса стружку снимать – или просто девка не в восторге от табачного дыма.

– Саша, – тихо позвала меня Эмма.

– Что?

– Спасибо.

– Да ладно, – смущенно отозвался я. – Не за что.

– Нет. Есть за что.

«Занятно, – подумал я, – что Анна и Максов хозяин до благодарностей не додумались. Хотя и были обязаны Айсману куда большим, нежели черная винтовка – мне. Эмме-то грозила лишь перепродажа...»

Впрочем, чувство благодарности хоть и придумано людьми, подавляющее большинство уцелевших представителей рода человеческого предпочитают либо им не пользоваться, либо использовать в усеченном варианте, считая, что все прочие должны быть благодарны им. Рискну предположить, что Эммина хозяйка принадлежит ко второй указанной категории, как и подавляющая часть известных мне представительниц женского рода, из числа мнящих себя наделенными привлекательным внешним обликом. По воззрениям этих... эталонов прекрасного, как называет их Лешка, весь остальной мир должен чуть ли не ежечасно вносить плату за право лицезрения.

– Я так надеюсь... – Сергей прервался, закашлялся – горлодер у него в этот раз был не ядерный, а ядерный, прямо хоть в ракетную боеголовку засыпай вместо плутония. – Я так надеюсь, что у полицаев к вам никаких претензий возникнуть не может.

Парочка переглянулась.

– Или может?

– Не знаю, – Анна зябко дернула плечами. – Твои полицаи, тебе виднее.

От удивления Сергей едва не выронил самокрутку.

– Это с какого же боку они «мои»?

– Они здешние, как и ты, – разъяснил мысль своей напарницы Энрико. – Мы еще не имели случая столкнуться с ними.

– Ну вот и поймете, – фыркнул Шемяка. – Чего не радуетесь?

– Лучше обсудим другое, – Энрико плавным, скольльзящим шагом пересек комнату и присел на корточки перед вторым, дальним от меня, трупом. – Откуда могли взяться эти двое?

Теперь уже выпало обмениваться недоуменными взглядами нам с Сергеем.

– С чердака, – на дурацкий вопрос трудно придумать иной ответ, кроме столь же глупого. – Оттуда веревка тянется.

АЙСМАН

– Ну а сами вы как думаете, га-аспада? – пристав Ромашко зачем-то коснулся носком сапога кровавой лужицы и, развернувшись, уставился на Анну. – Зачем они к вам... спланировали?

– Не знаю.

Судя по выжидательному взгляду и затянувшейся паузе, пристав явно ждал от девушки более развернутого ответа. И это Шемяке не нравилось, равно как и манера Ромашко скрипеть, прокачиваясь с носка на пятку, надраенными сапожищами... и при этом барабанить пальцами по стволу «ППС»⁶, из которого, как отлично знал Сергей, пристав с легкостью мог расписаться метрах на двадцати.

Еще он слегка злился на самого себя – специально не подбирал гильзы до приезда полицейских, а эти дубари мало того, что не обратили на них ровным счетом никакого внимания, так еще и растоптали своими копытами три из шести. Мелочь, конечно же, но...

Но больше всего Шемяке не нравилось молчание Анны. Как воды в рот набрала. Сидит, хмурится, смотрит на полицию исподлобья. Неужели так сложно выкнуть в ответ хоть что-нибудь?

– И предположений никаких нет?

– Да какие тут предположения, – проворчал Айсман. – Все ж как дважды два. Засекли на базаре парочку приезжих. Увидели, как те сначала разговаривали со следопытом, со мной то есть. А затем вместе начали уходить. Вывод – купцы сговорились о покупке и отправились менять товар на монеты.

– И если подсуетиться, можно заполучить и первое, и второе, – кивнул пристав.

– А эти, – указал Сергей на раскачивающийся за окном обрывок веревки. – Местные или как?

– Или где, – поправляя сбившийся на спину эполет, отозвался Ромашко. – Ближе к вечеру дам глянуть на них старшему караула, что позавчера на Мостовых воротах стоял. Он как раз докладывал: прибыли-де с торговым обозом двое, назвались купцами, а товару у этих «купцов» полмешка на двоих, да и товарец тот... на городской свалке порой лучше сыщется.

– В другое время, – после непродолжительной паузы добавил Ромашко, – посмотрели бы мы на них денек, и в подвал, а потом – за ворота и под зад сапогом. Так ведь базар... как ни пытайся, как жилы ни рви, в трех местах сразу не успеешь!

– Меня больше их возможные дружки волновали, – пояснил Сергей.

– Да какие у них могут быть дружки, – отмахнулся пристав. – Событьишники разве что. Нет, – он отрицательно покачал головой, – мстить вам за них никто не будет, точно. А вот заинтересоваться, что же этих двоих к вам так потянуло, – это дело другое, это может быть запросто. Так что ты, Айсман, когда будешь ввечеру к Матрене Ильинишне возвратиться, через плечо поглядывай.

– Я всегда поглядываю.

– Как ты всегда поглядываешь, мало будет, – жестко произнес Ромашко. – А то б ты давно или шарф шелковый купил... или шею до костей стер. Я ж тебя, Сергей, знаю... потому и говорю. А ты в отважного следопыта поиграть вздумал. На болотах своих играй, а здесь, в городе... поглядывай почаще и за стол с кем попало не садись.

Шемяка почти собрался огрызнуться в ответ – как-никак полчаса назад он вполне себе завалил двух городских. Причем со спины – это если про «погляд через плечо». Но в последний момент передумал: вне зависимости, советовал ли пристав по искреннему расположению

⁶ ППС – пистолет-пулемет Судаева.

или же хотел одернуть юнца, дабы тот не устраивал лишних проблем, к рекомендации его стоило хотя бы прислушаться. И уж подавно не следовало ссориться – чего-чего, а возможностей сотворить рядовому следопыту чего-нибудь нехорошее у пристава Ромашко хватало с избытком. Как в самом Кузине, так и за пределами городских стен.

Благодарить за науку он, впрочем, также не стал. В конце концов, ему пока тоже никто и намек на благодарность не продемонстрировал. Все держали себя так, будто ему больше и заняться нечем, кроме как прыгающих по окнам бандюганов отстреливать. Словно у него патронов немерено, из воздуха сыплются, только успевай шапку подставлять! Анна со своим собаком, затем полицаи...

– Ну ладно, – так и не дождавшись от Сергея ответа, вздохнул пристав. – Я сказал... а дальше ты уж сам... думай. Рад был, – шелкнув каблуками, Ромашко отвесил в сторону кровати короткий поклон, – познакомиться с такой прекрасной барышней, как вы, Анна Дмитриевна, однако ж выражу надежду, что возобновить это знакомство нам выпадет нескоро. По крайней мере при обстоятельствах, схожих с нынешними. Честь имею.

– Он что...

– Тихо!

Грохот захлопнувшейся двери, по мнению Шемяки, вовсе не обязательно свидетельствовал о появлении возможности задавать дурацкие вопросы. Дверь, конечно, была хорошая, но слух у пристава – еще лучше. По слухам.

Он дождался, пока с лестницы не донеслось удаляющееся топанье, и лишь затем кивнул девушке.

– Этот шут гороховый что, в театре до войны актерствовал?

– В смысле? – удивленно переспросил Сергей.

– В смысле, «пристав»... полиция... будто из «Ревизора» сбежали.

«Занятно, – подумал Шемяка, – насколько человек бревно в собственном глазу замечать не приучен. Что сама она двуручную саблю на спине таскает, коленками голыми посверкивая, – это нормально, а чуть у других что... „Ревизор“. Начитанная... а школы-то, между прочим, и сейчас имеются сильно не везде, а лет пять назад и вовсе с этим скучно было».

– У вас на Востоке ничего похожего, что ли?

Анна пожала плечами.

– Казаки у нас есть... как и везде. Только форма у них старая, довоенная, одни погоны новые понаделали. Ну, командиры, у кого имеется, дедовскую иногда по праздникам надевают...

– Понятно, – кивнул Сергей. – И когда вы в нашу губернию въезжали, у вас тоже ничего в голове не ворохнулось. На тему – почему губерния, а не область и в таком духе.

– Нет, – помедлив, озадаченно ответила девушка. – Губерния... у нас... рядом с нашим районом одно время ханство было – пока хану вместе с половиной дворца хана ни пришла... взрывчатки не пожалели.

– Ну так вот, – Сергей попытался откинуться на спинку стула, но предупредительный скрип заставил его сначала замереть, а потом медленно вернуть корпус в первоначальное положение. – У нас из «Ревизора» сбежала вся область. Которая вот уж десять лет как не область, а губерния с господином губернатором во главе. Ну и соответственно – городом городской голова рулит, а полицмейстер приставов гоняет. Форму для них, кстати, и в самом деле какой-то дедок из этих... историков придумывал, чтобы все как в царское время.

– Странно, – заметил от двери Энрико, – что при таких амбициях ваш губернатор не подался сразу в цари.

– А Николаич не торопится, – усмехнулся Айсман. – И не в цари, а сразу в государи-императоры. Корону-то сварганить проще простого, собственно, говорят, уже давно сделали, в сейфе пока лежит. Вот империю для нее подходящую собрать, с этим сложнее. Но мы, как

опять же говорится, прогрессируем – в прошлом году вот соседний район прихапали, четыре года назад тоже дело было...

– Бориску на царство... – скуластый едва заметно качнул головой. – Ну-ну...

– Ваши темпы прогрессирования внушают почтительный ужас, – впрочем, голос Анны, по мнению Сергея, свидетельствовал как раз об обратном эффекте.

«Эх, – подумал следопыт, – не видела ты, как тогда, четыре года назад, мы с соседями драться собирались». Всерьез, чуть ли не как в войну: даже мобилизацию объявили и провести попытались. И, самое удивительное, кое-какое войско набрали – благо затевалось все осенью, и немало народу из городских с перепугу посчитало, что на войне могут и не убить, а вот если разбежаться в разные стороны, то зимнее зверье сожрет почти наверняка. Плюс некоторые ближайшие деревни – из тех, куда «на вербовку» можно было прокатиться на бронетехнике, заодно напомнив тамошним, кто есть власть и почему ее лучше слушаться.

ЧЕРНЫЙ ОХОТНИК

Шелк был повсюду. Потолок, обивка стен, тяжелые двойные занавеси... ну и, само собой, мебель, которой, впрочем, было не столь уж много – диван, два кресла и чайный столик. Плюс сами хозяева: причем если оккупировавший диван толстяк ограничился легким, весьма домашнего вида халатом, то стоявший у окна мужчина с лицом хронического язвенника соорудил нечто замысловатое, классифицированное Швейцарцем – после нескольких попыток вспомнить более подходящий аналог – как бело-серо-красно-голубоватая помесь кимоно с брюссельской капустой.

«Странно, что на полу они десяток рулонов не раскатали, – насмешливо подумал Швейцарец, – ограничились коврами – монгольскими, судя по узорам и расцветке. Черт, ну зачем, куда... и откуда? Север Китая в первые послевоенные годы был неплохо подчищен армейскими еще мародерами, а забираться глубоко на юг... полюбоваться, как „темнеет море над Шанхаем“?»

Он ждал, а те «важные люди», так срочно желавшие видеть его «по важному делу», также не торопились пока начинать разговор.

– Ты, значит, и есть знаменитый Черный Охотник? – нарушил тишину язвенник у окна.

– Это вопрос? – Швейцарец воспользовался тоном, который, в зависимости от настроения, относил то к категории «особо равнодушный», то к «сейчас усну».

Судя по промелькнувшей в глазках толстяка искорке, по крайней мере, этот иерарх сумел расшифровать оставшееся невысказанным продолжение: ну а кем я еще могу быть?

А вот второй вроде бы не сумел.

– Что-то не больно ты похож на свою страшенькую славу.

«Зато ты похож на попугая и ведешь себя вполне соответственно», – подумал стрелок.

– Мне уйти?

– Вовсе нет, – толстяк наконец решил поучаствовать в разговоре. – Шио шутит. Правда ведь, Шио? Конечно же, наш гость не кто иной, как знаменитый Черный Охотник – мы приказывали доставить, пардон, пригласить именно его, а наши воины умеют выполнять приказы.

– Правда, – выдавил Шио. – Я... люблю шутить шутки.

– Шутки – это хорошо, – сказал толстяк. – Даже если разговор предстоит серьезный. Удачная шутка помогает снять напряж... сближает, я бы сказал. Пошутили, посмеялись, теперь можно сесть, – толстяк приглашающее повел рукой в сторону кресел, – и начать говорить о деле. Не так ли... Кстати, как вы предпочитаете именовать себя?

– Швейцарцем.

– Я отчего-то именно так и думал, – толстяк моргнул. – Что ж... меня вы можете называть иерарх Дяо, а шутить любит, как вы только что узнали, мой соратник по иерархии Шио. Вы присаживайтесь, присаживайтесь... Шио, и ты тоже. Вовсе незачем лишний раз напрягать горло, когда есть возможность вести разговор в тесном кругу.

При этих словах иерарх бросил весьма выразительный взгляд в сторону двери. Предназначался он скорее Шио, нежели мне, решил Швейцарец, но все равно – странно. Диван стоит у дальней стены, и подслушивать разговор было бы куда логичнее именно из-за нее... или с потолка или из-под пола – отовсюду, где тонкое сверло способно проделать незаметную дырочку, могущую послужить человеку с тонким же слухом превосходным источником информации.

Из-за двери же мог подслушивать только секретарь, но эта версия выглядела совсем по-детски. Да и зачем держать на подобной должности человека, которому не доверяешь.

– Напитки? – заполучив гостя в кресло, толстяк, похоже, и дальше собирался играть роль радушного хозяина. – Есть отличная вишневая наливка прошлогоднего урожая. Также имеется в наличии беленькая, собственной выделки... четвертая перегонка, прошу заметить. Или, может, – он вдруг подмигнул Швейцарцу приятельски-понимающе, и это было настолько неожиданно, что стрелок едва удержал «маску», – что-нибудь из старых? Настоящих, довоенных... например, коньяк вам, молодой человек, приходилось дегустировать? Причем не советский, нет... хотя армянский был весьма даже... а французский?

«Машина времени, – оцепенело подумал Швейцарец, – они придумали... или не придумали, а как-то завладели, не суть важно, машиной времени. Конечно же – и тогда все эти маскарады с эсэсовскими самураями объясняются легко и просто. Равно как и японские сосны и шелк. И что на первого встречного этот хренов иерарх готов истратить... черт, даже и не скажешь, сколько, – но если где-нибудь в Новом Магадане устроить аукцион бутылочке какого-нибудь „Хеннеси“, предварительно прочитав там цикл лекций на тему... это будет даже не золотом по весу».

– Саке, – выдохнул он первое, что пришло на ум.

Толстяк, ничуть не удивившись, приподнял над столиком высокий, чем-то похожий на перевернутый бокал для вина серебряный колокольчик, качнул два раза...

– Мне как обычно, – сухо произнес Шио. «Попугай» сидел с таким видом, будто проглотил нечто длинное и острое и теперь прислушивается к ощущениям изнутри.

Дяо кивнул.

– Значит, – обратился он к кому-то за спиной стрелка – оборачиваться Швейцарец не хотел, а отражение в полировке было слишком нечетким да и просто маленьким, – бутылочку беленькой досточтимому Шио, саке для нашего гостя и... пожалуй, четверть зеленого для меня. Ну и закусок легеньких.

САШКА

Дорого бы я дал за то, чтобы послушать, о чем эта парочка перешептывалась на кухне до прихода полицаев. Ох и дорого. Только ведь это не автоматом нужно быть – микрофоном с чувствительной мембраной, в крайнем случае стетоскопом. А так, хоть у меня слух и получше человеческого, но разобрать я сумел лишь то, что разговор велся хоть и шепотом, но «на повышенных», что называется, тонах. Кажется, Энрико пытался что-то доказать Анне, в чем-то убеждал, та не соглашалась, огрызалась, но кто победил в итоге и, главное, о чем шел этот спор, так и осталось для меня тайной.

Сугубо теоретически Эмма и Макс должны были расслышать больше меня – они-то стояли, опираясь на пол, прислонившись стволами к стенке, и, следовательно, доходящие с

кухоньки вибрации воспринимали куда четче. Увы и ах, они никакого желания пересказывать мне разговор не проявили, и я, со своей стороны, ответил им взаимностью – то есть просить не стал. Не хотите – не надо, дело ваше. Посмотрим, как дальше затвор провернется.

Дальше явились полицаи – висевший на боку пристава Петр-Петрович при виде моих упокойничков одобрительно лязгнул, а подойдя ближе, проскрипел что-то вроде: «Красиво сработал, молодой!»

Голос у него при этом был совершенно осипший. Видимо, на днях старику довелось хорошо пострелять – два-три рожка в хорошем темпе, не меньше, – и теперь он еще с неделю будет харкать отпотевающим нагаром.

До сегодняшнего дня мы с ним толком знакомы не были, но я знал, что на похвалы старик скуп и даже подобная вроде бы по касательной пущенная фраза стоит немало. Что почти тут же подтвердила Ксюха⁷ стоявшего рядом со мной полицая, тихо шепнувшая:

– Четко сработал, парниша, сам «пэ-пэ» хвалит.

У меня даже промелькнула мысль: набраться наглости да и спросить у Петр-Петровича, не слышал ли он про наших с Сергеем нанимателей чего-нибудь интересного. Наверное, и спросил бы – не будь в комнате Эммы и особенно угрюмо поглядывавшего из своего угла Макса. «АКМ» явно злился, и, в общем, я его понимал. Но раз уж твой хозяин такой лопух, что предпочитает полагаться на какие-то из консервы деланные ерундовины, а тебя, словно нашкодившего ребенка, ставит в угол... извини, друг, однако это глубоко ваши с ним личные проблемы. И коситься при этом на всех с видом обиженного судьбой и миром – ей-же-ей, не стоит!

В итоге я все-таки промолчал. Может, и зря – потому что уже на пороге, уходя, Петр-Петрович глянул на меня с таким видом, словно...

...словно то ли ждал от меня чего-то, то ли все же сам хотел что-то сказать – но тоже протянул до последнего момента, пока не стало слишком поздно.

Если это и впрямь было именно так, если мне этот его взгляд не почудился – получилось глупо, вслушиваясь в затихающие на лестнице шаги, подумал я.

– Хозяин Макса вам не доверяет, – неожиданно сказала Эмма.

– Что?

– Энрико не верит вам, – повторила черная винтовка. – Он считает, что эти двое пришли за вами.

Такой нелепости я не предполагал услышать даже от человека.

– За нами?

– Он убежден, что их собственные враги еще далеко позади. А значит...

– Мать-фреза, да какие еще враги! Неужели он и в самом деле не понимает, что наличие золота в кошеле уже достаточный повод числиться во врагах у двух третей местного населения?!

– Энрико все еще рассуждает, как воин Храма, – неохотно произнес Макс. – Там... откуда мы прибыли... среди разбойников нет безумцев, способных ради нескольких монет напасть на воина Храма.

⁷ «АКС-74У».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.